[Polaris]

ПОД



КАМЕННЫМ НЕБОМ

В глубинах пещер

Том IV

Под каменным небом. В глубинах пещер. Том IV

Николай Иванович Сладков, Иван Александрович Кириллов

Аннотация
Николай Сладков. ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ
  КАЖЕТСЯ
  ТИШИНА... ТЕМНОТА
  КАМЕННЫЙ ЛЕС
  ВЕТЕР ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ
  ПОЮЩАЯ СОЛЬ
  ТАНЦУЮЩИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ
  ДЫХАНИЕ ВОДЫ
  БАБОЧКИ ПОД ЗЕМЛЕЙ
  НЕДОТРОГИ
  ХРУСТАЛЬНЫЙ ПОГРЕБОК
  ВСПОТЕВШИЕ ПОТОЛКИ
  ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ
  ХОРОШО!
  САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ
Иван Кириллов. ТАЙНЫ КРАСНЫХ ПЕЩЕР
  ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  ЮНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ
    Первый шаг

В поход
Край неожиданностей и контрастов
Карстовые ландшафты Крыма
В краеведческом музее
Заповедное урочище
Таинственный знак
В подземном лабиринте
О мастерах подземного спорта
ЗАГАДКИ КРАСНЫХ ПЕЩЕР
Снова в Красных пещерах
В санатории «Маяк»
Тревожные минуты
В стране неизвестного
Богатства горного Крыма
Зал исландского шпата
Дружба требует жертв
Группа особого назначения
Странные следы
Отвратительные чудовища
В тайных лабораториях природы
Древняя легенда
Наводнение
Страшная находка
Три врага
Подземные дворцы
Зал «Осьминог»

Дневник Никанора Болтина
Друзья познаются в беде
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Аннотация

В четырехтомник «В глубинах пещер» вошли произведения советских писателей, рассказывающие о приключениях в пещерах, о загадочном, пугающем и манящем подземном мире. Заключительный том издания включает прекрасную детскую книгу Н. Сладкова «Под каменным небом» (1965) и документально-фантастическую повесть И. Кириллова «Тайны Красных пещер» (1959)

Под каменным небом (В глубинах пещер. Том IV). — Б.

м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 147 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXX).



POLARIS

**ПУТЕШЕСТВИЯ.
ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА**

LXX



Salamandra P.V.V.

ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ

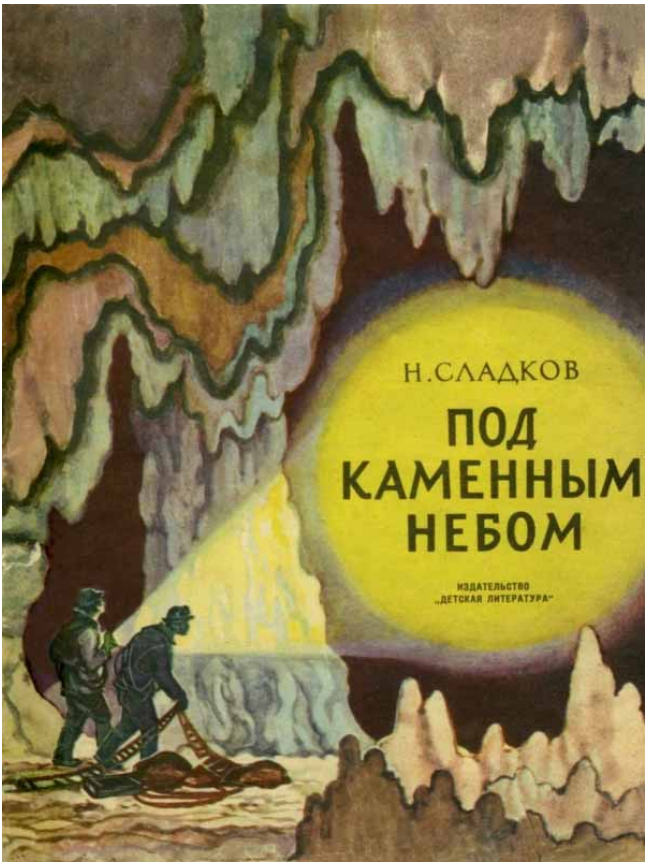
В глубинах пещер
Том IV

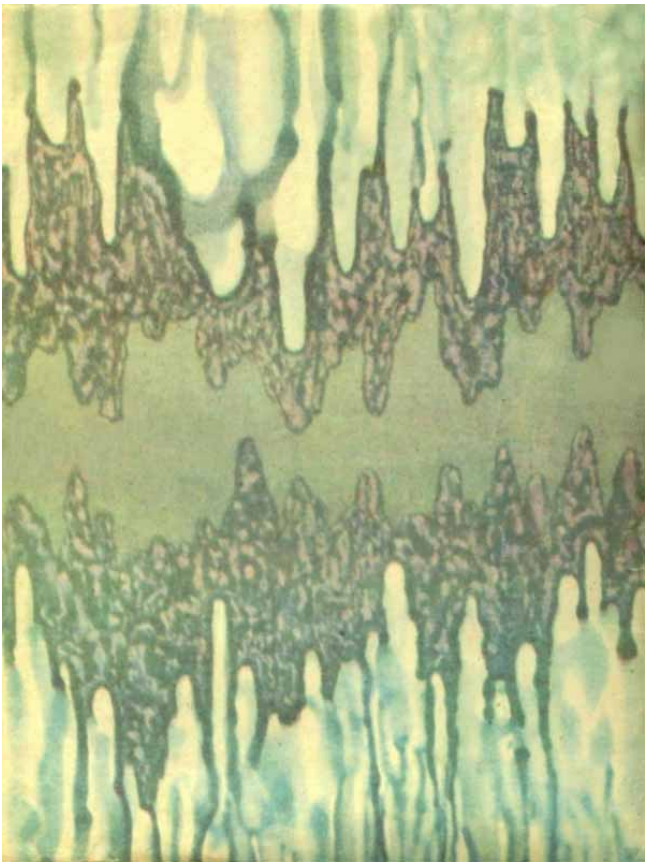
Под каменным небом (В глубинах пещер. Том IV). — Б.
м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 147 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXX).

© Authors, estate, 2015
© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Николай Сладков
ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ

Рис. К. Овчинникова


Н. СЛАДКОВ
ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"



«Самое прекрасное, что мы можем переживать, — это таинственность».

А. Эйнштейн

Нравится тебе тишина? Не вздрогнешь, если за шиворот посыплется холодный песок? Хватит сил лечь в глинистую жижу и поползти? Сумеешь ты изогнуться, как червяк, и пролезть в тесную каменную щель? Не испугают тебя темнота, черная пропасть, грохот подземного водопада? Умеешь ли ты нырять, плавать, карабкаться по каменным стенам?

Если нравится, если сумеешь и не боишься, — то годен ты для путешествия в таинственный подземный мир. Не сейчас, конечно, а когда подрастешь...

Ходим мы под небом. Плаваем, случается, под водой. Но мало кто из нас бывал под землей. Потому-то я и решил спуститься под землю, чтобы все увидеть своими глазами...

Легко сказать — спуститься!

Легко проникнуть под землю кроту: у него лапы-лопаты. Легко пролезть червяку: тонкий и без костей. А человек не червяк и не крот.

Но человеку и не нужно рыть землю, как червяку или кроту За него это сделала вода: она

промыла глубоко под землей тоннели и коридоры, которые люди назвали ПЕЩЕРАМИ.

В пещерах темно. Не просто темно, а темным-темно.

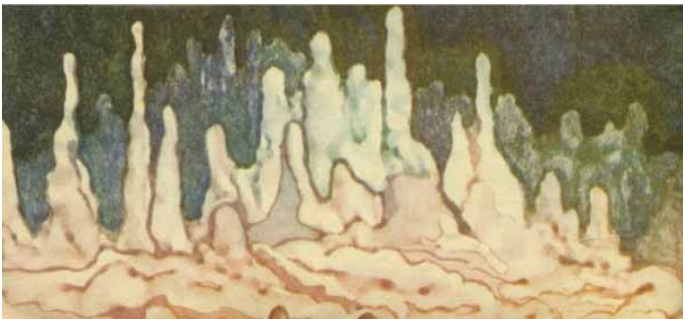
В пещерах пропасти — как бездонные колодцы. Бросишь камень — и долго ждешь, пока услышишь стук.

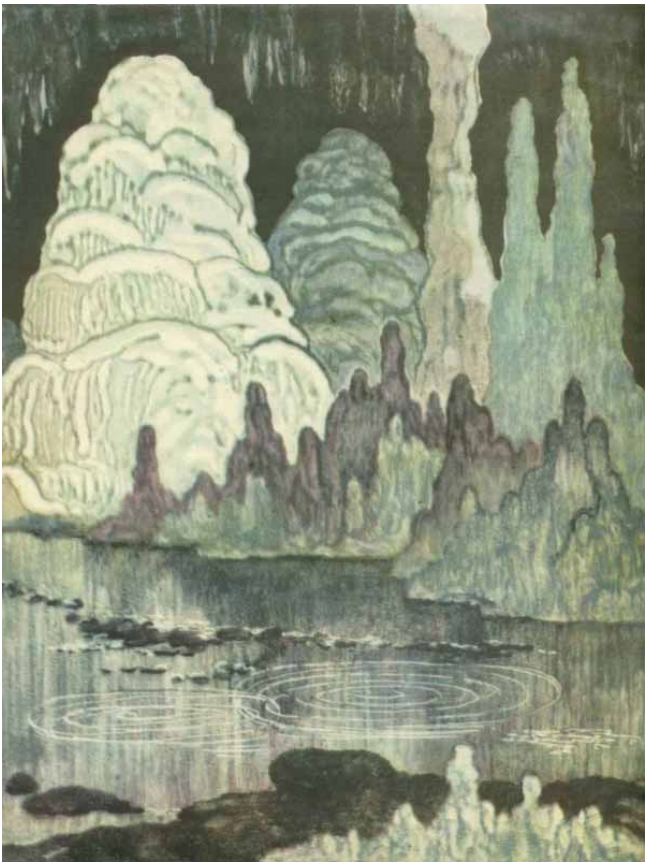
В пещерах даже есть реки — бурные и ледяные.

Чтобы победить темноту, надо взять сильный фонарь. Чтобы спуститься в каменные колодцы, — захватить веревочную лестницу. А чтобы проплыть по подземной реке, — резиновую лодку.

И тогда можно проникнуть так далеко и так глубоко, как не проникало еще под землю ни одно живое существо.

Ни души вокруг: только ты, человек, да подземное царство...





КАЖЕТСЯ

Если в пустой пещере вдруг услышишь шаги и шепот, не верь ушам. Это тебе кажется.

В пещерах часто кажется то, чего нет. Пещеры любят пугать...

Простую трещину они превращают в разлом, выемку в яму, а яму — в бездну. Тупики кажутся бесконечными тоннелями, каменные залы — пустотами без потолка и стен, лужи — озерами без берегов.

Ручьи вдруг начинают вздыхать и плакать, а то и разговаривать человеческими голосами. А каменные сосульки — петь.

Ветер ревет, как яростная вода; вода же лепечет, как ласковый ветерок.

Капли там не только стучат и звенят, но, бывает, еще и... свистят! Свистят, как диковинные подземные птицы!

Прозрачная вода вдруг видится непроглядно-черной или... или никак не видится! И узнаешь о ней только тогда, когда нечаянно ступишь ногой.

Пещеры любят обман.

Они удлиняют расстояния и укорачивают

время.

И еще они влекут.

Манят залами и проходами туда, где не ступала нога человека. Сулят открытия и находки, приключения и победы.

И это уже без обмана.

Это уже всерьез.

ТИШИНА... ТЕМНОТА

Нигде больше нет такой тишины, как под землей. Но странная это тишина: она не успокаивает, а настораживает. Все ждешь: вот-вот что-то услышишь. И весь становишься как настороженное ухо. И вслушиваешься так, что начинаешь слышать тишину...

Вот тут-то пещера и подурачит новичка! Он непременно услышит все то, что больше всего боится услышать.

Если он боится диких зверей, то обязательно услышит крадущиеся шаги и злобное ворчание. Если его пугает обвал, он услышит далекий грохот камней, а если наводнение, плеск приближающейся воды.

Если он отстал от своих товарищей, то голоса их будут слышны совсем не оттуда, куда они ушли.

Вот тогда-то к новичку приходят страх и растерянность. И хочется громко крикнуть, чтоб заглушить эту обманчивую тишину.

Но кричать не надо. Надо заново учиться слушать.

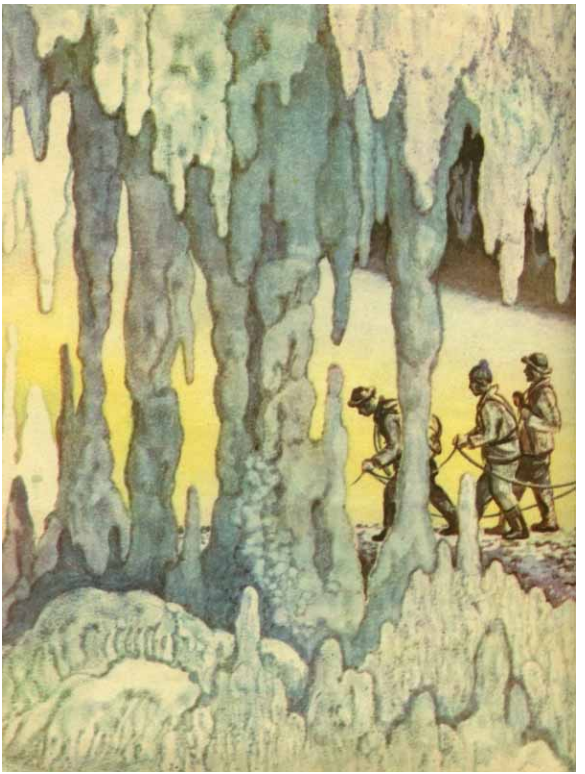
И поменьше бояться.

И не надо вглядываться в темноту. Без фонаря

все равно ничего не увидишь. Потому что нет на земле места, где было бы темнее, чем под землей. Ни кошка, ни даже сова ничего не увидят там. Там ни утра, ни вечера, ни дня — од-на ночь.

В году 365 долгих ночей. И ночи подземной нет конца. Череда медленных беспросветных лет...

Пожелаем же исследователям перед спуском в пещеру доброй ночи. А после подъема доброго дня!



КАМЕННЫЙ ЛЕС

И под землей бывают леса. Подземный лес похож на настоящий: теснятся стволы деревьев, свисают ветки, торчат сучки. Тут и там виднеются пни. Поднимаются цветы и травы. Даже растут грибы. И пробираться по подземному лесу так же трудно, как и в глухой тайге.

Но это мертвый лес, каменный.

Каменные деревья, каменные кусты, каменные пни. Кусты и деревья растут не только снизу вверх, но и сверху вниз. Те, что растут вверх, СТАЛАГМИТЫ. Те же, что, подобно сосулькам, растут вниз головой, СТАЛАКТИТЫ.

На каждом шагу каменные грибы, каменные цветы и травы. Цветы и травы, которые никогда не осыпаются и не увядают. Грибы, которые никто не собирает.

Мертвая тишина в мертвом лесу.

Ни ветра в густых ветвях. Ни трепета листьев, ни за-паха цветов. Ни пения птиц, ни звона кузнечиков. Все неподвижно, беззвучно и глухо. Тусклый блеск. Молчание камня. Все как во сне...

Да, каменный лес растет. И если спилить каменный ствол, то на пне будут видны годовые кольца.

Зимние узкие кольца, и летние — широкие. Потому что летом больше воды просачивается сверху и, значит, больше осадков остается на стволах. Потому-то сразу и видно, сколько дереву лет и сколько зим. Иным деревьям многие-многие сотни...

ВЕТЕР ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Когда роешь землю, то выбрасываешь лопатой песок да камни. Ну еще, бывает, дороешься до воды. Думал я, что и везде под землей только песок, вода да камень. Ничего-то я не знал!

Однажды я протиснулся в тесную щель. В лицо ударил ледяной ветер и затушил свечу. Ветер из-под земли!

Чем дальше я полз, тем становилось холодней. Руки зашлись, я весь продрог, когда, наконец, выбрался из трубы. Я спрятал свечу и зажег фонарь. Сполохи света закачались по сторонам: пещера была из стекла! Расплавленное стекло залило пол, потолок, стены, да так и застыло складками и сосульками. Гигантские стеклянные столбы уходили в темноту, и сквозь них виднелись другие, как бы повисшие в полумгле.

Пол был блестящий и гладкий, словно каток. И непроглядно-черный, как омут. Но стоило посветить — и сквозь толщу стекла, там, в глубине, засветились разноцветные камешки. Видно каждую песчинку. Идешь как по воздуху. Страшно оступиться и рухнуть.

С потолка свисают тяжелые люстры, граненые

подвески, стеклянные цепочки, сверкающие елочные гирлянды. А стены, как рыбьи бока, встопорщились блестящими чешуйками. Вдоль стен стоят литые прозрачные вазы. Поднимаются округлые тумбы.

— Хо-хо-хо-хо! — выкрикнул я. Но мне ответило только эхо. Тогда я топнул ногой — хрупкие подвески сорвались и, звеня, покатились под ноги. Я поднял осколок и положил на ладонь. Кристаллик вдруг съежился, грани оплыли, он колыхнулся, как ртуть, и превратился... в каплю воды!

Лед!

Вокруг не стекло, а лед. И чешуйки, и колонны, и гирлянды, и вазы. И пол, и стены, и потолок. И ветер потому ледяной.

Пещера изо льда. Дворец ледяной королевы...

Я выбрался из-под земли и долго грелся на солнце.



ПОЮЩАЯ СОЛЬ

В этот раз я шел не один. Спутник был новичком под землей и всему удивлялся. Его поразили стены подземного коридора: они были снежно-белого цвета и тускло мерцали в луче фонаря.

А я думал, что под землей все только черное!

Но больше всего его удивила и напугала тишина. Он нарочно громко топал ногами, чтобы заглушить ее. Когда мы останавливались, он говорил:

— Вот не думал, что я так громко дышу!

И добавлял:

— А я слышу, как у тебя сердце стучит!

Сердце и я слышал: стучит. Как кулаком в дверь!

Мы шли, а он наступал мне на пятки, то и дело тыкал рукой в плечо и шептал:

— Ой, как тихо. Я слышу, как моргаю глазами. Слышу, как улыбаюсь!

Я останавливался, гасил фонарь и вслушивался изо всех сил. Нет, я не слышал своей улыбки — только дыхание и стук сердца.

— Мерещится! — говорил я.

На развилке коридора он схватил меня за плечо

и за-дышал в ухо:

— Слышишь? Поют...

— Может, капли звенят?

— Нет, поют.

— Может, бьется летучая мышь?

— Нет, поют!!!

На этот раз и я услыхал. Даже скорее ощутил, чем услыхал. Что-то неясно звучало впереди. Мы ускорили шаги; пение приближалось и становилось ясней. Мы идем, упираясь руками в холодные белые стены. Да, впереди поют! Или играют на органе. Звуки торжественные, плавные, величавые. Они то отдаляются, затихают, то вдруг растут, накатываются, гудят. Мы слушаем, сдерживая дыхание.

Неожиданно наступает тишина, свет фонаря проваливается в пустоту. Мы в большом гроте. Я шарю фонарем, пытаясь нащупать лучом стены, но стен нет. Вокруг нас молчаливые голубые колонны, поддерживающие невидимый потолок. Я поднимаю фонарь: над головой гирлянды белых сосулек! Длинные и короткие, толстые и тонкие, прямые и искривленные. Луч скользит по ним, и кажется, что они колышутся.

И вдруг там, среди леса сосулек, тихо загудела невидимая труба. Гудит она все громче и громче,

звук растет как волна, заполняет весь зал: вот-вот треснут голубые колонны и обрушатся белые сосульки!

— Я слышу, как поднимаются дыбом волосы! — кричит товарищ.

У нас у обоих шевелятся волосы. Нет, не от страха —от сильного встречного ветра, подземного сквозняка!

Мы понимаем, что это он, ветер, поет и засвистывает в сосульках, хлещет по ним тысячами песчинок.

Я бью кулаком по кончику длинной сосульки, она раскалывается и стучит по камням. Так и есть: в середине она пуста! Она и в самом деле похожа на трубку органа. Но сделана не из металла, а из... соли! Это соляная пещера, тут все из чистой поваренной соли. И стены, и пол, и потолок. Все белое, голубое и розовое.

Пещера торжественно гудит.

Наши сердца радостно стучат, как кулаком в дверь.

И мы глупо лижем осколки сосулек: соль, чистая соль!

ТАНЦУЮЩИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Однажды я пошел совсем в незнакомую пещеру. По дну пещеры текла река. Значит, это была совсем молоденькая пещера: реки обычно текут только в молодых пещерах. Было ей, наверное, всего-навсего каких-нибудь тысяча лет.

Я брел по колено в воде, но воды не видел, такая она прозрачная. Фонарь освещал под ногами разноцветные камешки. Захочешь такой камешек поднять, нагнешься, протянешь руку и вдруг рука окунется в воду! Холодная вода, как лед.

Я бурунил ногами воду, и каменный коридор ухал и охал от плеска воды. Но и сквозь этот гул расслышал я впереди какое-то неясное бормотание, будто кипел и булькал невидимый котел. Я остановился: да, впереди клокотал котел.

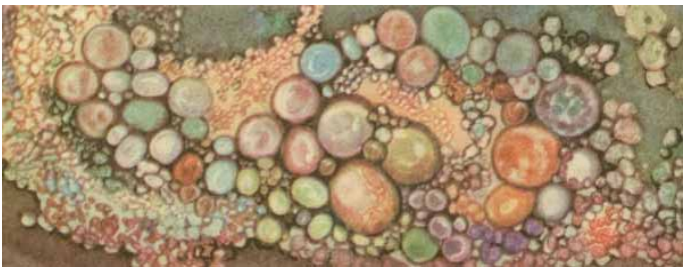
Осторожно, упираясь руками в низкий каменный потолок, стал я подходить к черной дыре, в которой исчезала вода реки. Заглянул вниз: клокотал и булькал водопад. Он был совсем небольшой, в человеческий рост. А внизу и вправду был котел — широкая чаша, выбитая водой в камне.

Скользя по мокрым и скользким уступам, на-

брав полные сапоги воды, я сполз вниз и заглянул в чашу. И в чаше я увидел то, о чем много раз слыхал, но не видел ни разу в жизни. В чистой воде, среди пены и брызг, блестящие и легкие, как пузырьки воздуха, плясали... горошины жемчуга! Всякие: крохотные, с булавочную головку, и большущие, с голубиное яйцо. Я набрал их полную горсть — круглых, овальных, поблескивающих, как ртуть. То совсем серых, то чуть розовых или чуть голубых, то желтых.

Сотни лет толклись в чаше с водой беспокойные пес-чинки и медленно и незаметно обрастали солями. Сотни лет... В полной темноте, в брызгах и пене, среди гула каменных стен. Неслышно, невидимо, тайно. Пока из песчинок не превратились в горстку жемчужин.

Много я слышал про жемчуг речной и морской. А увидеть довелось пещерный.



ДЫХАНИЕ ВОДЫ

Следы на снегу сохраняются дня три-четыре, а на песке — и того меньше. А мы шли по следу, которому самое малое 20 000 лет! Огромные когти, как железные крючья, пробороздили глину. На подушечках голых подошв отпечатались даже морщинки и трещинки. А по краям бороздки от жестких щетинок.

Тут прошел пещерный медведь.

Может, это был последний пещерный медведь на земле, ведь вымерли они много тысячелетий назад. И вот на глине, похожей на мыло, отпечатки его огромных лапищ...

На снегу и песке следы стирают солнце и ветер. Но в этот каменный коридор никогда не проникал солнечный луч, и никогда ветер не шевелил в нем пыль. И следы сохранились так, что нам казалось, зверь прошел только вчера, что мы идем по горячему следу. Вот-вот услышим грузную поступь и рев, похожий на грохот обвала.

Нас было двое, и мы смело шагали вперед.

Давно замечено, успокаивал меня спутник, что там, где со страхом и трепетом пробирается один, двое идут смело и непринужденно. Со мной не

трусь! — И он пропускал меня… вперед.

— Я прикрою тебя со спины! — говорил он.

За поворотом, на глиняной стене, мы увидели длинные борозды. Казалось, кто-то граблями прибороздил глину. Это пещерный медведь, поднявшись на задние лапы, оставил на стене свои метки так же, как это до сих пор делает на деревьях его дикий лесной собрат.

— Хорошо, что это было давно, — изрек мой храбрый товарищ. И опять подтолкнул меня вперед.

Мы долго шли и вышли к крутому склону, уходящему в подземное озеро. Скалы нависли над черной водой, зайчик от фонаря прыгал по ним испуганно и беззвучно. И вот соскочил на след. Видно стало: тут медведь подошел к краю склона, поскользнулся и съехал на брюхе вниз, прибороздив лапами глину. Как ясно представился нам косматый зверь, барахтавшийся в липкой глине! Он сползал в воду, и стены потрясал его тяжелый рев.

Двадцать тысяч лет назад в первый и последний раз вздыбилась черная вода подземного озера и, успокоив-шись, стала вновь тихой и неподвижной. Двадцать тысяч лет назад...

Товарищ судорожно схватил меня за руку. Я

вздрогнул и взглянул туда, куда он направил луч света. Посреди черной воды вздулись пузыри, вода заколыхалась, пошли круги, и у берега задрожала рябь.

Мы прижались к стене.

Вода в озерке заклокотала: что-то огромное поднималось со дна!

Мы кинулись в боковой ход, он оказался крутым и грязным. Под ногами зачавкала жижа, руки по локоть проваливались в стены, похожие на раскисшее мыло. Но мы бешено рвались вверх и вперед. Карабкались и сползали вниз, прямо к бурлящей воде.

Силы кончились, пальцы слиплись от глины, на ногах повисли глиняные гири. А озеро бурлило и клокотало, волны дробились и выплескивались на берег. Но... но никто не показывался из воды!

А скоро озерко стихло и стало опять неподвижным и черным.

— Глупо! — сказал товарищ. — Глупо бояться, когда рядом с тобой я! — И он принялся ножом соскабливать с одежды глину.

И верно: глупо! Не пещерный же медведь, в самом деле, всплывал со дна! И ведь представится же такое. Как мы могли забыть про капризы подземных озер? Ведь известно, что многие из них

вдруг появляются и вдруг исчезают. В ливни вода поднимается до потолка и заливает тоннели, а в засуху вода уходит в дыру на дне — и на месте озера остается сухая чаша.

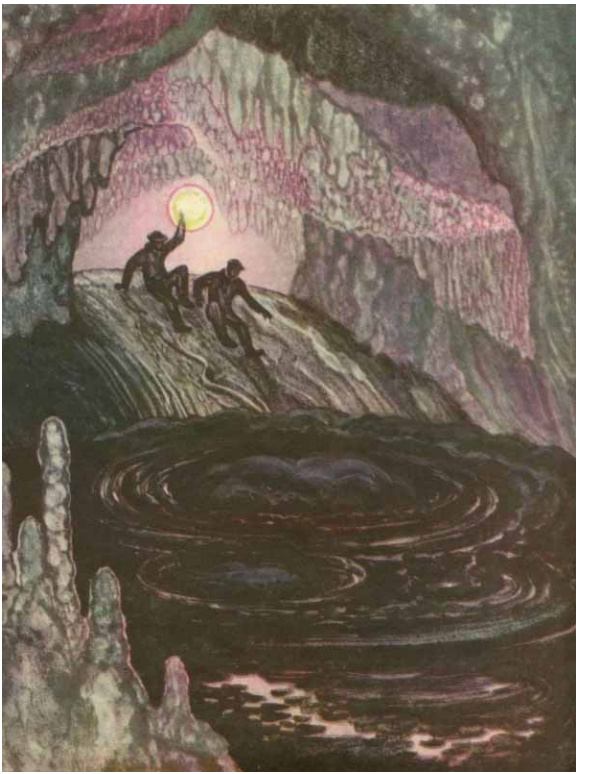
Есть озера, вода в которых дышит. Она то вздымается, то спадает. То вверх, то вниз, ровно и плавно, как вдох и выдох. А в других бурлит и клокочет, задыхается от гнева и брызжет пеной. Вот так. как в этом...

Жаль, что мы спокойно не проследили за бурным дыханием воды. Заставили нас медвежьи следы прыгать зайцами.

А все-таки веселее под землей вдвоем, что ни говори! И верно: где один идет со страхом, там двое пройдут шутя.

Мы быстро шагаем к выходу. Мы строим планы новых походов.

— Не трусь! — выкрикивает мой друг. — Видишь, я впереди!



БАБОЧКИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

В глубь обрыва ушла штольня Когда-то тут брали для стройки песок. В глубине штольня разветвилась на лазы, проходы и тупики как рука с растопыренными пальцами.

Мы протиснулись в узкий лаз, осыпая плечами песок.

Хозяевами заброшенной штольни были теперь летучие мыши, мухи да комары.

Летучие мыши лежали и висели в темных углублениях стен. Ушаны прятали свои огромные уши в складках кожистых крыльев. А кожаны и ночницы, когда их гладили по шелковистой спине, сердито пищали и скалили зубы.

Мухи зимовали стаями, усыпав ровные стены. Так же зимовали и длинноногие тощие комары. А в темных про-ходах, где бахромой закудрявился иней, спали бабочки-совки.

Когда мы увидели их, мы забыли мышей, комаров и мух!

Бабочки сидели и так и сяк. Крылышки у всех шала-шиком, а два усика как два папоротниковых листка. Но это еще не все. На крылышках у них капли воды, большущие — с горошину!

— росинки: вспыхивают, дрожат, переливаются.

Чиркнешь спичку — и сразу фейерверк!

Спичкой качнешь — на стенах брызги огня!

Звездочки зеленые, алые, синие. Черточки, искорки, стрелки!



НЕДОТРОГИ

По тесной каменной трубе вполз я в широкую полость. С трудом разогнул замлевшую спину, сел на ледяную тумбу и зажег фонарь. Да так и остался сидеть как приморожeнный!

Колыхнулась черная пустота и поднялись белые цветы. Белее снега, нежнее инея, тоньше паутины. Такие, что страшно шагнуть, страшно задеть, страшно громко сказать! Не все под землей только каменно, угловато и грубо. Не все грязные лазы, узкие коридоры, заляпанные глиняной жижей. Вот передо мной чистое, тонкое, зыбкое! Смотрю растерянно и даже испуганно. И родится ж такое среди грязи и мрака!

Говорят, что нет ничего нежнее живых цветов. Цветы закрываются от капли дождя, цветы тускнеют, если их сорвать. А мимоза даже складывает листики, если их чуть коснуться рукой.

Но вот я вижу кое-что понежнее живых цветов — это цветы мертвые, ледяные. Цветы глубоких, темных, холодных пещер.

Нечего и пытаться их сорвать — они рассыплются в прах, обратятся в легкое облачко ледяной пыли. Нельзя их и тронуть рукой. Нельзя даже к

ним склониться, чтобы получше их разглядеть: они тают от теплого дыхания! Они вянут от тепла протянутых рук. Оплывают просто от того, что я сижу с ними рядом. Гибнут от тепла тела, как от жар-кого солнца!

Цветы вечной темноты, выросли они не для глаз, не для рук. Родились по каким-то своим подземным законам. Они непонятны, как непонятны ослепительные краски, скрытые в черной глубине океана. Кого они радуют там и кому они нужны, если никто их не может увидеть? Яркость живых цветов привлекает бабочек и пчел: они опыляют цветы. Но кому нужна красота в глубине океана, где все утонуло во мгле? Или в пещере, где живут слепые мокрицы и черви? Я лишний тут, не желая гублю, порчу не прикасаясь, убиваю чуть дыша!

Пора уходить. Но мне не встать! Может, я и впрямь очарован, застыл и остолбенел? Даже бросило в жар! И сейчас же на ближайших кристаллах от этого набухли капли воды!

Нет, так нельзя. Надо спокойно. Ага, я просто примерз к ледяной тумбе. Со скрежетом отдираю брезентовые штаны ото льда и снова втискиваюсь в тесную щель. Подальше, подальше от нежных подземных цветов, от этих ледяных

недотрог!



ХРУСТАЛЬНЫЙ ПОГРЕБОК

Редко-редко, когда уж очень повезет, находят под землей хрустальные погреба. Сам я никогда их не видел. Но кто видел, тот не удержится, чтоб не рассказать другим. Рассказывали о погребках и мне.

«Погребок» — это закрытая полость без входа и выхода, которая образовалась в изверженной вулканом породе — ПЕГМАТИТЕ.

Так геологи про них говорят.

А горщики — искатели красивых дорогих камней — называют погребки ЗАНОРЫШАМИ.

Находят их только случайно, ведь у погребка ни входа, ни выхода.

Погребок — настоящий подземный клад. Клад земли, ларец, переполненный самоцветами.

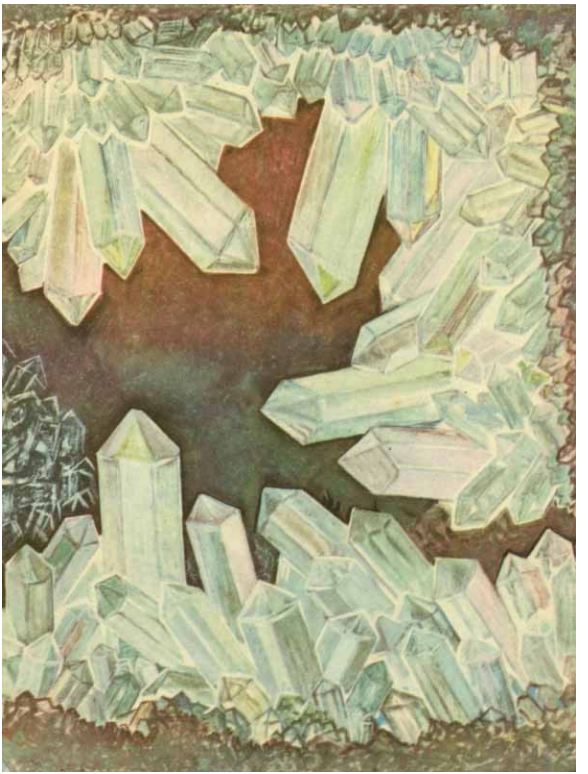
Стены, пол и потолок погребка усажены кристаллами цветных камней: розовыми, голубыми и желтыми топаза-ми, лиловыми аметистами, бирюзовыми аквамаринами, си-ними, зелеными и красными шерлами. Глыбы горного хрусталя, граненого, как лед, и прозрачного, как вода родника.

Находят хрустальные погреба горщики.

Ювелиры выгранивают из самоцветов красивые вещи.

Техники вытачивают из них детали для тонких и точных приборов.

Так клад земли служит людям.



ВСПОТЕВШИЕ ПОТОЛКИ

Уж этого-то я никак не ждал!

Где еще можно надежнее спрятаться от дождя? Тут над головой не зонт, не палатка, даже не крыша — каменная толща в несколько этажей!

И все-таки я до нитки промок.

А не было ни ветра, ни туч, ни громыхания грома. Но неожиданно по шее ударила первая капля. И, как всякая дождевая капля, змейкой скользнула по спине.

Я поднял лицо — в лоб угодила вторая. И хлынул холодный дождь!

Не тихий обложной дождь — сеногной.

Не частый и дробный — грибной.

Даже не бешено сверкающий — грозовой.

Хлынул неведомый подземный ливень!

Не из тучи, а с потолка. Не косо, не боком, а сверху вниз.

Тут весь потолок набряк водой.

И капли на нем набухали тяжелые, как увеличительные стекла.

Дождь был холодный и гулкий. И некуда было укрыться. Капли долбили в спину. Брызги летели на колени.

Дождь звенел, как сосулечная капель.

Я пробежал чуть вверх и вперед, и сразу дождя не стало. Под ногами пухлая пыль. Сушь и тишина. От подземного дождя трудно укрыться, но от него нетрудно уйти.

Здесь вечная сушь рядом вечный дождь.

И между ними — сотня шагов!

Вот как оно под землей.

Такого нигде не бывает.

Да и не может быть.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Мы заблудились.

Когда потеряешься в лесу, там все приходит к тебе на помощь: мхи, травы, деревья, пни, муравейники, даже само солнце.

Совсем не то под землей.

Ручей не обязательно выведет к реке.

Тропа может завести в тупик.

Даже ветер, холодный подземный сквозняк, часто дует совсем не от входа.

Под землей и от компаса пользы не много. Что толку знать, что выход на юге, если каменный коридор ведет на запад или восток.

Мы уже не шли, а ползли.

Лежу плашмя, втиснутый в каменную трубу. Позади хрипло дышит товарищ. Упираюсь носками ботинок в уступ и с силой проталкиваюсь вперед. Ой, как трудно дышать! А нет ничего страшнее тесноты и удушья. Помню, в детстве меня повалили и прижали лицо подушкой. Откуда только силы взялись: я расшвырял своих «врагов» и вырвался из-под них. Но в каменной трубе бессмысленна сила, только терпение и расчет.

Выдыхаю и чуть протискиваюсь вперед. Глубоко вдыхаю грудью, поджимаю живот и чуть подтягиваю ноги. Так и ползу на дыхании, выкручиваюсь, как червяк.

Товарищ нарочно отстал: если я заклинюсь, он вытащит меня за ноги.

Фонарь я держу в зубах, он здорово мешает дышать. Нет, дальше так нельзя. Буду сигналить ногой — пусть тащит назад.

Разжимаю зубы и выпускаю фонарь. Он упал и погас.

И я сразу увидел свет!

Свет слабый, зеленоватый, как через толщу воды. Но что из того: свет под землей это путеводная звезда в ночи!

Велика сила света. Все живое тянется к свету. Цветы поворачиваются за солнцем. Птицы летят на свет маяков. Бабочки мчатся на свет ночного костра. Рыбы сплываются на свет фонаря. Но сильнее других тянется к свету человек. Свет —это жизнь. Это выход из подземного мрака.

Опять вдыхаю, то грудью, то животом. Выплевываю песок. То вытягиваюсь, то сжимаюсь. И вот вывалился из каменного горла, как вываливается весной из водосточной трубы подтаявшая глыба льда.

Но выхода не видно. Стены зальца светятся сами по себе!

Свет струится со стен, с потолка. Он под ногами и над головой. Все усыпано изумрудными капельками росы. Нигде на земле мы не встречали такого света. Только однажды, в глубине лесного озера, у затененного деревьями берега, видел я что-то подобное. Блики солнца качались по дну и выхватывали из темноты изумрудные пятна подводного мха.

Мох! Трогаем ладонями стены — под руками махровый ковер. Стены затянуты мхом — особым, мерцающим изнутри, диковинным, светящимся пещерным мхом!

Мы подносим руки к глазам — и видим свои зеленые пальцы. Мы вытягиваем руки — черные растопыренные ладони беззвучно скользят по зеленому сиянию. В глазах товарища я вижу зеленые искры!

А скоро нашли и лазейку наверх: она оказалась рядом. Солнце наверху ослепило глаза. У ног яркий и пестрый — даже в глазах зарябило! — альпийский луг. Над нами лиловые скалы. Под нами внизу деревья — как зеленые фонтаны, бьющие из-под земли. Все в тысячу раз чудесней и сказочней, чем под землей. И все же видение

чудесного грота, мерцание мохового ковра с изумрудной росой все возникает вновь, стоит лишь только закрыть глаза...



ХОРОШО!

Есть у пещер особенность: что бы ни случилось там с вами плохого, тяжелого, даже опасного — все со временем обратят они в приятное воспоминание.

— А помнишь, как я два часа волчком крутился на веревке над пропастью?

— А помнишь, как я заклинился в тесной дыре — ни вперед ни назад?

— А помнишь, как мы заблудились и двое суток не ели и не спали? Хорошо!

Один мой приятель тонул. Он был отважный парень. Из всех нас он один отважился нырнуть в черную дыру, залитую водой, в нее уходила подземная речка.

— Я могу не дышать две минуты! — сказал он. — Если через две минуты я не вернусь — тяните за линь.

Не спеша надел маску и ласты, обвязался крепким шнуром, зашел по плечи в воду, нащупал руками дыру под стеной и нырнул.

Я не знаю, что страшнее: нырять или вот так, в полном неведении, держаться за конец веревки... Через полторы минуты мы не выдержали и потя-

нули. Веревка не поддалась: на конце ее забилось тяжелое тело, оно отчаянно сопротивлялось. Мы дружно навалились и выдернули ныряльщика из дыры, как окуня из ледяной лунки. Он плевался водой и бешено грозил кулаками.

Оказалось, что он нащупал в глубине подводного коридора нишу, где можно было высунуть голову из воды и дышать. Вот он там и дышал, переводя дух, когда мы неожиданно дернули, окунули его в воду и поволокли, стукая обо все косяки.

Кашляя и ругаясь, он все же рассказал:

«Я сразу включил фонарь, но ничего не увидел, кроме желтого кружка на каменной стене. Так и плыл за этим желтым кружком, отталкиваясь от стен руками. На дне бы ли камешки, как россыпь разноцветной фасоли. А воды будто и совсем не было, такая она была прозрачная. Но вдруг над головой загрохотали волны, прямо как морской прибой! Я дернулся вверх и... высунулся из воды. Над водой была ниша, и вода не доставала до потолка. Маленькие волны, поднятые мной, бились о стенки каменного мешка, но грохотали и гудели так, будто начинался обвал. Воздух был сырой, но чистый. Я облегченно вздохнул».

И вот тут мы стали его спасать.

«Так и думал, что либо заклинюсь и задохнусь, либо вы перервете меня пополам!»

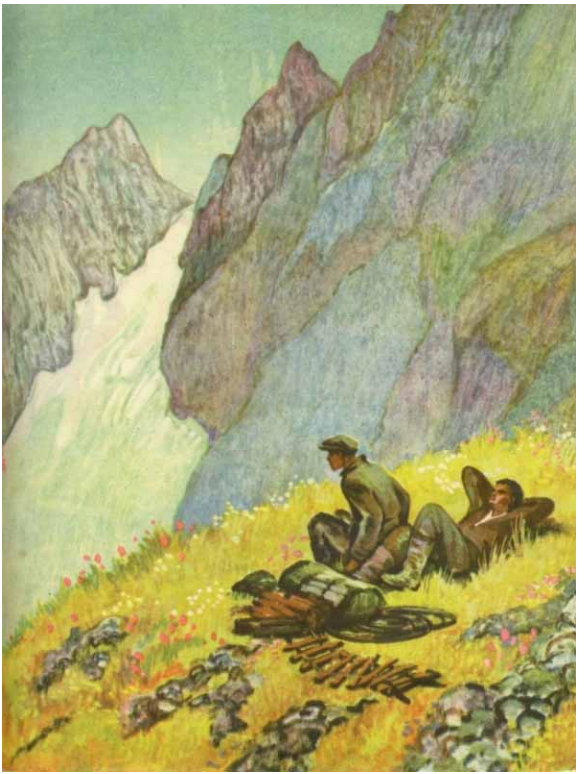
И он опять начал на нас кричать и грозить кулаками.

Но это тогда, в пещере.

А сейчас, вспоминая, как он чуть не утонул, он мечтательно говорит:

— Хорошо!

И голос у него мягкий. И движения рук плавные. И пальцы не сжаты в кулаки. И в глазах у него тоска. Тоска по подземным тоннелям, залитым водой.



САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ

В разных мы побывали пещерах; какая же из них самая интересная?

Нет, не та, в которой шумит подземный дождь.

Пожалуй, и не та, в которой нашли мы подземный жемчуг.

И даже не та, в которой спрятаны подземные клады — хрустальные погреба.

Самая интересная — в которой ты еще не был. Особенно если никто еще в ней не был. Самая интересная пещера — пещера не открытая.

Бросишь в провал горящую бумагу — а дна не видно.

Бросишь камень — а стука не слышно.

Подставишь щеку — ветер холодит. Ветер черной глубины...

Приставишь к уху ладонь — шумит. Плещет глубинная вода...

Не пройденные проходы, не проползенные лазы, не из-меренные пропасти. Не осмотренные тупики, не услышанные водопады, не переплытые озера. Не увиденные сталактиты, не открытые пещерные рисунки, не найденные подземные сокровища.

Реки, которые еще не знают весла. Каменные цветы, которых не касались руки. Гулкие залы, в которых еще не ступала нога человека.

Наверное, эта, еще никем не открытая, пещера и есть самая глубокая, самая красивая, самая удивительная в мире.

Потому-то она и самая-самая интересная.

Вазы, чаши, бокалы...

Я перечисляю то, что вижу.

Колонны, драпировки, статуи. Пагоды, минареты, башни. Скребки для шкур, наконечники копий и стрел.

Где можно увидеть вместе все эти разные вещи?

Конечно, в музее, хорошем городском музее. И еще в одном месте — в пещере.

Пещера — это музей природы.

Прохлада и тишина. Блеск сталактитов и сталагмитов. Скульптуры из камня, глины и льда. Балдахины и занавесы из гипса. Каменные цветы, драгоценные камни. Мрамор, хрусталь, жемчуг. Наскальные рисунки первобытных людей, кости вымерших животных.

Да. это музей!

Музей природы, которому тысячи лет.

В музеях принято надевать неслышную мягкую

обувь. В музеях говорят вполголоса. И ничего не хватают руками. Это в тех музеях, которые создали люди. А в пещерах — в музеях природы — пока еще все не так. Там еще слышится топот тяжелых сапог, грохот железного молотка, звон разбитых кристаллов.

Сумки, набитые осколками украшений. Раздавленные цветы. Разграбленные ниши — витрины. Копоть на стенах от свечей.

И под землю проник браконьер.

Но против него все честные исследователи пещер.

Против него заповеди открывателей. Вот они:

МЕСТО СТОЯНКИ ПОСЛЕ УХОДА ДОЛЖНО БЫТЬ ЧИЩЕ, ЧЕМ ДО ПРИХОДА;

В ОДНУ МИНУТУ МОЖНО УНИЧТОЖИТЬ ТО, ЧТО СОЗДАВАЛОСЬ ТЫСЯЧИ ЛЕТ;

СТО УМНЫХ ЛЮДЕЙ. ОТБИВШИХ ПО ОДНОМУ СТАЛАКТИТУ, НЕ ЛУЧШЕ ОДНОГО ДУРАКА, РАЗБИВШЕГО СТО;

МОЖЕТ, ВЫ В ПЕЩЕРЕ И ПЕРВЫЙ, НО НАВЕРНЯКА НЕ ПОСЛЕДНИЙ;

ЛЕТУЧИЕ
МЫШИ НЕ МЕШАЮТ ТЕБЕ БОДРСТВОВАТЬ. А ТЫ НЕ МЕШАЙ ИМ СПАТЬ;

КОПТИТЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ СТЕНЫ ХУЖЕ, ЧЕМ

КОПТИТЬ НА ЗЕМЛЕ НЕБО;

ЧЕМ ЧАЩЕ БУДЕШЬ ПИСАТЬ СВОЕ ИМЯ НА СТЕНАХ, ТЕМ МЕНЬШЕ ЕГО ПРОСЛАВИШЬ.

Стоит ли лезть под землю?

На это вдруг не ответишь. И верно: сыро там, темно, холодно. Часто опасно и всегда очень тяжело. Нужно ли рисковать ради одних приключений?

Нет, подземные путешественники пускаются в путь не для того, чтобы вымокнуть, измазаться, заблудиться или упасть. Их влечет тайна. Они открыватели и землепроходцы. Они первые. Они подземные Пржевальские и Миклухо-Маклаи. Они смелы и бескорыстны. И, как всегда бывает, от смелых и бескорыстных дел выходит самая большая польза.

Нашли под землей много воды. Но ведь воду эту можно вывести наружу и оросить сухие поля!

Узнали, что вся толща земли пронизана ходами и норами. Значит, строить на этой земле нельзя — тут возможны обвалы.

Наткнулись на залежи соли, мрамора, гипса. Но это все очень нужно!

А горячие и целебные источники? А руда и хрустальные погреба? А кости вымерших зверей? А рисунки и скульптуры, сделанные руками наших

далеких предков?

Все это нужно, все это важно.

Все это ждет своих открывателей.

Вот они и идут...

На моей ладони желтая жемчужина...

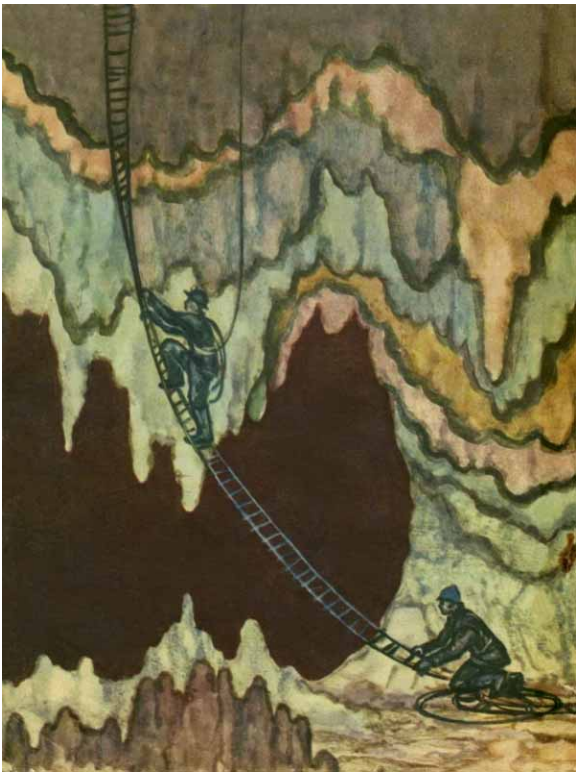
Значит, были подземные реки, каменные леса, ледяные гроты. И вот этот пещерный жемчуг...

Значит, все это не сон и не сказка.

И, значит, все можно увидеть снова.

Стоит лишь захотеть!

...Я пошел, я увидел, я сделал... Нет, это не я пошел, не я увидел и не я сделал. Это все он — исследователь пещер — спелеолог. Он пошел, он увидел, он сделал. Это он протискивался в тесные щели, он нырял в подземные озера, он делал открытия. А вот рассказал вам об этом — я.



Иван Кириллов
ТАЙНЫ КРАСНЫХ ПЕЩЕР

Худ. Ю. Щенков

И. КИРИЛЛОВ

Тайны КРАСНЫХ ПЕЩЕР



"Минералогия пещер еще не написана, и каждый молодой наблюдатель может принести большую пользу науке, если будет точно изучать отложения пещер, зарисовывать и подробно описывать их диковинные формы.

Но при этом он не должен забывать и об их охране"

Академик А.Е. Ферсман

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Ночь. В одном из высотных зданий Москвы до утра светятся окна. За ними просторная комната, где вдоль стен выстроились книжные шкафы; у окна стоит письменный стол. Под абажуром настольной лампы выделяется светлый круг. В центре его — небольшой портрет, рядом книга — авторский экземпляр. На коричневом переплете вытиснены слова «Минералогия пещер», выше и мельче — «К. Снежков», внизу дата выпуска — 1967 год. Простота и строгость оформления подсказывают: это серьезная научная монография.

В кресле за столом сидит автор книги — Константин Петрович Снежков. Он еще очень молод.

Черные аккуратно подстриженные волосы и темнеющие полоски усов хорошо подчеркивают матовую белизну лица, задумчивого и сосредоточенного. Иногда лишь чуть вздрагивают ресницы, на высоком лбу набегают морщинки, уголки губ изгибаются в легкой усмешке. Взгляд ученого устремлен в прошлое, в то, что способствовало рождению книги. Перед мысленным взором Константина Петровича тот, кто сделал

ему надпись на портрете, датированную июлем 1959 года:

«Лучшему ученику — Косте Снежкову в день окончания средней школы № 1 от преподавателя географии и руководителя кружка “Юные следопыты” Владимира Васильевича Колесниченко».

Перед ученым встают сцены, краткие, как главы литературного сценария, как кадры стремительно развертывающегося фильма.

На экране всеоживляющей памяти Снежков видит себя пятиклассником в самой заветной из школьных комнат. На дверях ее — эмалированная табличка: «Юные следопыты». Сюда допускаются лучшие из лучших: отличники учебы и наиболее активные участники туристских походов. Владимир Васильевич Колесниченко растит здесь не просто любителей природы, а будущих краеведов, специалистов географов и геологов. В просторной комнате, кроме богатых коллекций, многочисленных фотовитрин, макетов и карт, находятся хорошо оборудованная мастерская, лаборатория, препараторская и библиотека краеведческой литера-туры. Замечательные экспонаты, не только найденные, но и сделанные кружковцами, говорят о большой,

систематической работе.

Воспоминания тускнеют, наплывом набегают новые. Они связаны с вереницей чудесных походов, неповторимыми дорожными приключениями, смешными происшествия-ми, задушевными рассказами и песнями возле костра. Эти походы сплотили кружковцев в дружную семью. Сколько живых впечатлений, захватывающих переживаний и первых глубоких раздумий дали они!

Родина перестала быть отвлеченным понятием. Она зримо вставала теперь своими тенистыми рощами, колыхалась волнами пшеничных полей, звучала голосами ветра, воды и птиц, расстилалась необозримой равниной под стайками кучевых облаков. Она говорила устами тружеников полей и заводов, светилась в глазах встречавшихся ребятишек и, главное, — действовала. Ее будущее стояло в лесах многочисленных строек, смотрело со страниц проектных чертежей, угадывалось в колышках, забиваемых неутомимыми геодезистами. Это будущее рисовалось прекрасным. Оно звало скорее приложить к делу свои знания и способности, свои молодые, наливающиеся силой руки. Впервые, при полушутливом распределении обязанностей в туристской группе — «геолог», «ботаник», «поч-

вовед», «зоолог», «историк», — вставал перед ребятами важнейший из вопросов: кем быть?

...Еще одна яркая сцена. В голубоватом мареве неба сияет нежаркое солнце. Осеннее золото листьев меркнет в кумаче знамен. Волнующая дата — 40 лет Октября — повторяется в тысячах надписей и транспарантов. Русла широких улиц переполняет многоголосый прибой человеческих масс, ритмичные волны плакатов, взлеты песен и водовороты танцев. В одной из шумливых колонн стоят кружковцы; впереди со знаменем — Костя Снежков. Такой чести он удостоился, открыв в окрестностях своего города пещерку, дав ее план, разрезы и обстоятельное описание. Это был его первый шаг на пути к монографии, той самой, что лежит сейчас на столе...

———

ЮНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ
Первый шаг

Нередко, мечтая о чем-то необыкновенном, мы сетуем на однообразный и слишком гладкий жизненный путь. Между тем звенья из цепи необычного раскиданы всюду, и нет человека, который не споткнулся бы о них на пути. Все дело в том, что лишь очень немногие, встретив такое звено, пытаются вытащить и всю цепь.

Поверхностному наблюдателю жизнь вообще кажется сплетением разных случайностей. Счастливейшие из них именуются удачей. О закономерности подобных удач не задумываются, да и сослаться на случай легче, чем его объяснить. Суворов не раз говаривал: «Удача да удача. Надо же сказать — и уменье!»

Уменье — важнейшее качество для советских людей. Уменье в соединении с настойчивостью. Неспроста родилась у нас поговорка, отправившаяся теперь гулять по белу свету: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!» Вот почему Костя нашел то, что не находили другие.

...Лето 1957 года. Идет нескончаемый ливень,

и мутные потоки воды мчатся по всем оврагам, производя разрушительную работу. Следопыты отсиживаются в палатках, распевая песни, один только Костя упрямо стоит у приятно лопочущего родника, бьющего под самым обрывом. В памяти возникают слова учителя Владимира Васильевича, который всегда направлял своих следопытов на упорные, систематические поиски: «Не заметные для многих оседания почвы и странное поведение некоторых родников говорят о несомненном наличии подземных пустот».

Вот он, родник, чистый, невозмутимо продолжающий давать небольшое количество влаги. Когда же он откликнется на пролившийся дождь?

Вдруг под родником словно включили насос: так забурлила, поднялась куполом хлынувшая мутная вода! Снежков торопливо глядит на часы: с момента начала ливня прошло уже сорок минут. Значит, родник получает воду не прямо из грунта, а через какое-то крупное хранилище, переполнение которого и произошло за данное время. Как бы найти этот водоем?

Глаза мальчика пытливо скользят вокруг. Останавливаются... Есть! Прямо над родником, в прибрежном обрыве, начинает сочиться вода.

Комья глины, сползая вниз, обнажают небольшую дыру.

Открытие всполошило ребят. Песни забыты. Раскопки для расширения входа ведутся по очереди. Всем хочется глянуть: а что там, в середке? Сначала в пещерку по праву первооткрывателя вползает Костя. Он лезет с приятным замиранием сердца: ведь здесь никто еще не был!

«Костина пещера», как ее тут же назвали ребята, оказалась невелика, но она привела их к тому, что предполагалось, — к подземному озерку. Тайна изменчивого родника оказалась раскрытой!

В тот же вечер был устроен «Большой костер». Длинные языки пламени так и пляшут над светлой поляной, развевая шлейфы полупрозрачного дыма и выбрасывая султаны сверкающих искр. Ребята сидят, затаив дыхание: Владимир Васильевич рассказывает о том, как он впервые лазил в пещере:

— Пещера кажется бесконечной. Все новые и новые ходы открываются впереди, убегая в жуткую тьму. Нет, видно, одному не осмотреть такой лабиринт!.. Возвращаюсь назад по главному ходу и попадаю в какой-то тупик. Обжигая мне пальцы, догорает последний огарок свечи. Тьма мгновенно подступает со всех сторон. Чувствую

себя заживо погребенным. А вдруг потерялись спички? Нет, целы!

Слабенький свет приободрил меня. Чиркая спички, вы-хожу к главному ходу. Но как идти? Ведь, вместо того, чтобы двигаться к выходу, можно зайти еще глубже в недра горы!.. Тут-то и пригодились навыки следопыта. Встав на колени, внимательно изучаю свои следы: по двум направлениям они идут назад и вперед, по третьему — только вперед. Значит тут и идти обратно. Сердце так и забилось от радости. Теперь лишь бы хватило спичек! Во время коротких вспышек стараюсь запомнить путь и потом бреду в темноте, ощупывая мокрые стены.

Но где же выход? Коридор кажется таким длинным, а главное, таким незнакомым, что я вновь теряю надежду... Запомните, ребята: в пути нужно обязательно оглядываться назад, потому что вид какой-либо дороги в одну сторону резко отличается от вида той же дороги в противоположном направлении. Почаще оглядываться — закон для спелеолога[1]. Запомните еще и другое: под землей какие-нибудь десятки метров часто при-

[1] Примечания: 1

Спелеолог — исследователь пещер. **Спелеология** — раздел физической географии, изучающий историю происхождения пещер, их строение, развитие в них органической жизни.

нимают за сотни, высоты в расширениях хода кажутся недосягаемыми, а провалы — бездонными. Нужно немалое время, чтобы привыкнуть к необычным подземным условиям и научиться правильно делать глазомерную съемку.

— Владимир Васильевич, а чем же все кончилось?

— Да тут и рассказывать нечего. Вылез я наружу с опустевшим спичечным коробком, грязный, окоченевший от холода. И радовался так, как будто вновь на свет народился... Первое, неудачное знакомство с пещерами не отпугнуло меня от подземных странствий, но приучило быть осторожным. Позднее посетил я другие пещеры Кавказа, бывал на Урале, в известной Кунгурской пещере, занимающей первое место в СССР по длине изученных ходов (около пяти километров). Да, ребята, быть спелеологом очень заманчиво, тем более что пещерный туризм еще слабо развит у нас. Сколько открытий сможете вы сделать, если возьметесь за него серьезно!

Владимир Васильевич задумывается, потом испытующе смотрит на ребят.

— А что, если на следующий год мы поедем в Крым и посетим знаменитые Красные пещеры, в которых я тоже бывал когда-то... Согласны?

В поход

Жарко. От нагревшихся школьных построек пышет, как от печки. Маленький колодцеобразный двор наполнен звонкими голосами:

— Ребята, у кого есть покрепче шнурок для рюкзака?

— Боря! С ума сошел? Слезь с мешка, ведь там печенье!

— А в крымских пещерах тоже холодно, как в «Костиной»? Или можно в трусах?

Владимир Васильевич молча следит за ребятами: брови его нахмурились, губы сжались тонкой полоской, но в глазах — искорки смеха. Пригладив седеющие волосы, он резким движением надевает шляпу и, перекрывая шум, командует:

— Юные следопыты! С рюкзаками... в одну шеренгу... ста-а-новись!

Перезвон голосов обрывается. На размягченном солнцем асфальте вырастает нестройная шеренга. Некоторые еще не готовы: у одних завернулись лямки рюкзаков, у других валятся палки и шляпы (это пробирающийся сзади шеренги озорной паренек подталкивает то палку, то шляпу).

Ничто не ускользает от руководителя. Выждав

с минуту, он вскидывает на плечи тяжелый рюкзак, одергивает зеленоватую гимнастерку, молодцевато выпрямляется.

— Равняйсь!

Вся шеренга — пятнадцать человек — делает последнее выравнивающее движение и замирает.

— До выхода на маршрут осталось четыре минуты, по-этому скажу лишь о главном. А главное сейчас — дисциплина и еще раз дисциплина!

Владимир Васильевич окидывает взглядом притихших ребят. Все больше хмурятся брови, темнеют голубые глаза, принимая серо-стальной оттенок.

— За проявленную только что недисциплинированность и крупное упущение в подготовке к походу (забыл взять одеяло) с маршрута снимается Борис Коваленко!

Глубокий и тесный колодец-двор вновь до краев полнится криком:

— Простите его, Владимир Васильевич!

— Коваленко — лучший следопыт отряда!

— Боря бывал в пещерах и знает, как их изучать...

Пошептавшись с провинившимся, из шеренги выступает капитан отряда Костя Снежков, серьезный и подтянутый, как сам Владимир Ва-

сильевич, которому он во всем подражает.

— Товарищ руководитель! Коваленко дал мне честное комсомольское слово исправиться. В общем, ручаюсь за его поведение. Ну, а спать мы будем под моим одеялом, оно у меня большое...

По шеренге прокатывается веселое оживление. Коренастый девятиклассник Борис Коваленко, тот, что сбивал шляпы и забыл одеяло, поднимает голову. В его умных, с хитринкой глазах появляется надежда. Смутившись, он пытается пригладить на голове хохолок непокорных волос.

— Владимир Васильевич, я просто… ну...

Руководитель улыбается:

— Хорошо, беру под честное слово... Мне нравится, как вы стоите за товарища. Так нужно поступать и в походе: все за одного и один за всех... Итак, юные следопыты, напра-во! К вокзалу, ша-а-гом марш!

Колонна двинулась, но руководитель медлит с отходом. Он смотрит вслед ребятам, вспоминая дни своего детства, окрашенные последним заревом гражданской войны, когда сабля бандита и обрез кулака, голод, холера, зимняя стужа пытались сокрушить то, что не удалось всем армиям интервентов и белопогонников. Тогда четырнадцатилетним подростком он долго разъезжал

беспризорником по всей Украине.

И, странное дело, не холод буферов, не вечное недоедание и грязные, едва прикрывавшие тело лохмотья приходят на ум. Нет, он видит бесчисленные пути-дороги, по которым двигался где пешком, где товарным составом, где прицепившись к кузову автомашины. И пусть его юность совсем непохожа на светлое время ребят послеоктябрьско-го поколения, но она кажется ему такой бесконечно милой и безвозвратно утерянной, что он глубоко вздыхает и тщательно вытирает ладонью увлажнившиеся уголки глаз.

Юность — весна человеческой жизни! Ничто не в силах тебя вернуть. Но ты не уходишь бесследно. Ты остаешься в душе, как первая радость познанья, как первая оттепель чувств, когда так по-весеннему сверху чарует небо, снизу манит земля и зовут, увлекают дороги!

Край неожиданностей и контрастов

Разные есть земли на наших родных просторах, и различны идущие по ним дороги. Есть края, облик которых определяется с первого взгляда. Их скромная красота трогает сердце, а бесхитростные пути, протянувшись стрелой к горизонту,

лучше всего подчеркивают ровный характер. И нужны перемещения в сотни километров, чтобы заметить в примелькавшемся ландшафте какие-либо другие черты.

Есть земли в голубых покрывалах рек и озер, в зеленых накидках лесов и трав, окутанные фатою туманов. Они кажутся таинственными и необычными. Не сразу убеждаешься, что под этой нарядной одеждой скрыта все та же знакомая с детства краса.

И есть, наконец, страны-загадки и дороги-змейки, где не перестаешь изумляться контрастам, которые подстерегают тебя на каждом шагу; есть края, где и зимой греет щедрое солнце, а горы, равнины и море, столкнувшись друг с другом, соревнуются не только в рельефе и красках, но и во всех проявлениях жизни.

К таким немногим краям относится Крым.

Удивительна даже форма крымской земли: она похожа на ромб, вписанный в разноцветную синеву трех совершенно различных морей — Черного, Азовского и Гнилого (как часто именуют Сиваш). Ромб ориентирован почти точно на север, его диагонали равны двумстам километрам. Правильная геометрическая форма заметно искажается лишь впадиной Евпаторийского

залива, причудливым наростом Керченского полуострова да пристроившимся несколько сбоку мостом Перекопского перешейка, связывающим «почти-остров» с великой русской равниной.

Степь, пробравшись с севера мостом перешейка, разлеглась и в Крыму, вдоль Сиваша. По всем другим направлениям она постепенно принимает холмистый характер, особенно — в затупленном клине Тарханкутского полуострова и в противолежащем ему керченском придатке. Еще заметнее скатерть степей сморщивается к югу, где встают три высоких вала параллельно друг другу и с нарастающей силой, как настоящие волны прибоя! Круто обрываясь к Черному морю, они готовы были уже перехлестнуть через гребень, да так и застыли в виде дугообразно изогнутых гряд.

Главная из них вздыбилась у самого моря. Географически она прослеживается на ста пятидесяти с небольшим километрах: от светлых обрывов мыса Айя, близ Балаклавы, до темных, но столь же крутых стремнин Карадага между Феодосией и Судаком. Наибольших высот (до 1543 метров) гряда достигает против Гурзуфа, постепенно снижаясь к мысу Айя и к Карадагской вулканической группе. Только в Восточном Кры-

му этот каменный вал, как бы столкнувшись с какой-то преградой, теряет всю свою стройность и разливается кипенью мелких, неправильных волн. В центре горного Крыма совсем одиноко высится шатер Чатырдага (1525 метров).

Приморские скаты главной гряды образуют узкую по-лоску земли. Это и есть Южное побережье — жемчужина крымской природы. С севера его охраняют горы, с юга — незамерзающее море, а доступ к флангам оберегают два стража — белокурый великан Айя и темно-русый гигант Карадаг. Расширенные площадки на гребнях гряды получили название яйл. Северные, лесистые, склоны ее вместе с третьей грядой, а также срединной, или второй, разрезанной речками на мелкие части, составляют область предгорий.

Такова рельефная карта Крыма, географический облик его настоящего.

Можно прочесть и прошлое крымской земли, записанное в обнажениях горных пород. Ученые давно доказали, что море в прошлом не только окружало Крым, но и при-нимало участие в его созидании: везде преобладают напластования бывших осадков. Внедряющиеся в них вулканические породы редко выходят на поверхность земли, главным образом между Гурзуфом и Алу-

штой.

Интересно строение главной гряды: ее светлые мраморовидные известняки подстилают преимущественно темные, почти непроницаемые сланцы. Между пластами главных пород зажаты, как закладки среди книжных страниц, песчаники и напоминающие бетон конгломераты; впрочем, известняки часто налегают на сланцы и прямо, без промежуточных включений.

Не всегда удается даже ученым прочесть первозданную книгу. Пласты спрессованных и сильно помятых давлением сланцев, к примеру, — это немые скрижали, на каменных страницах которых осталось немного записей. Другие осадочные породы богаче иероглифами древней истории — отпечатками бывших растений и окаменелостями бывших животных. Читая такие замысловатые знаки, геологи выяснили, что главная гряда не только высочайшая, но и старейшая среди трех. Есть кряж еще древнее. Поднялся он из зыбкой колыбели средиземного океана Тетис раньше гигантской дуги Карпат и многих хребтов Кавказа и долгое время был небольшим островком в венце из коралловых рифов, затерявшимся в водных просторах.

Предполагаемые кратковременные связи ма-

ленького островка с расположенной к югу и затем погрузившейся в воду Понтидой придали ему средиземноморский характер, особенно в облике южного побережья. Тарханкут, этот обломок древней Добруджи, дает представление о Северном Причерноморье Балкан, а Керченский полуостров, отделенный от праотца устьем древнего Дона, позднее расширившимся в морской пролив, стал местом биологических и иных связей с предгорьями Северного Кавказа и Черноморским побережьем его. Наконец, вынырнувшая из моря присивашская степь окончательно связала одним узлом эти разнородные обломки; она же присоединила их к Русской равнине, как драгоценный брелок-подвесок, впитавший изумительное богатство форм. Образно это сумел показать, вопреки лермонтовским строкам («На севере диком...»), безвестный садовник Кореизского парка; им посажены рядом, в необычном соседстве, и стройная южная пальма и могучая северная сосна.

Ландшафтное богатство Крыма не укладывается в рамки Причерноморья, оно выходит далеко за его пределы. Недаром при съемке приключенческого фильма «Дети капитана Гранта» постановщики сумели осуществить кругосвет-

ное путешествие, почти не выезжая из Крыма: степи Австралии снимались на Никитской яйле, патагонское побережье Америки — в окрестностях Судака, хаос каменных глыб на склонах Анд — под горой Демерджи, близ Алушты. И специалисты-географы, просмотрев заснятые кадры, вполне одобрили их.

В Крыму все недалеко и все неожиданно. Небольшой переход по кустарниковым зарослям приводит к вековым заповедным лесам, величию которых поражается даже тот, кто бывал на Кавказе. Восхождение на отколовшийся от Ай-Петринской яйлы массив Бойко завершается открытием бездны каньона, который и на Карпатах звали бы только Большим. Изумительная сама по себе долина Красного Мака раскрывает в своем окончании грозные, четырехпалые бастионы горы Мангуп; подобной природной крепости, усиленной стенами, башнями и другими сооружениями человеческих рук, не сыщешь во всей Европе.

Становление крымской земли еще не закончено. Родная мать ее — море — не очень-то жалует свое детище: оно стремится отнять многие прибрежные участки. Особенно заметно наступление моря в районе знаменитых Севастопольских

бухт; доказано, что последние — это бывшие устья оврагов и Черной речки. Наступление идет и под Перекопом. Может быть, в отдаленном будущем «почти-остров» станет настоящим островом, каким он и был когда-то. Единственной четкой границей между черноморским заливом Каркинит и Сивашом станет тогда высоченная дамба Северо-Крымского канала с бережно подправляемым из столетия в столетия лотком для пресной воды.

Опускание Крыма заметно не всюду; древнейшая часть полуострова в пределах современного Судакского района слегка приподнимается под напором тех же подземных сил, которые вызывают непрекращающиеся судороги крымских землетрясений, к счастью редко достигающих разрушительной силы. Свидетельством продолжающегося становления Южного Крыма являются мощные обвалы крутостенных гор, оползни, с трудом сдерживаемые человеком, и стремительный размыв оврагов, еще не выработавших необходимого профиля. Идет уже не коренная перестройка рельефа, а кропотливая отделка его. Так скульптор, закончив обтесывание мраморной глыбы фигуры, приступает затем к тщательной обработке.

Гораздо заметнее во времени преображает Крым сознательная деятельность человека. Советские люди умеют влиять даже на микроклиматы, создавая озера пресной воды, меняя течение рек или отражая набег суховеев щитом зеленого заслона. Они обогащают флору и фауну, продвигают южные культуры на север, меняют почву и сам рельеф: здесь — копая большие карьеры, там — срезая бугры.

Крым — не только богатейший ботанический сад с его двумя тысячами акклиматизированных и почти таким же количеством диких растений, не только уникальный геолого-географический музей под открытым небом, или, по выражению академика Б. Д. Грекова, «исторический заповедник Советского Союза». Это край высокоразвитой разнообразной промышленности, цветущая область виноградников и садов, всесоюзная здравница и верный страж юго-западных рубежей нашей великой Родины. В довершение всего — это рабочее место писателей, Парнас поэтов, палитра художников и нотный стан музыкантов; это край вдохновения и мечты.

В слове Крым слышится многое: шум высокогорных лесов и журчание водных каскадов, шелест ветра и грохот прибоя, звон невидимок

цикад и рев красавцев оленей. Неописуемы медвяные нектары яйл и сказочные свечения моря, крупнозвездные крымские ночи и алые полыхания зорь, безумное цветение весен и гобелены цветных осеней, где основой — лучи полуденного солнца, а вышивкой — золото листьев, серебро паутин и алмазы утренних рос!

Карстовые[2] ландшафты Крыма

Хорошо, если тот или иной край можно рассматривать сверху с каких-либо обзорных точек. В Крыму их много, но нет в нем лучшего пункта, чем верхнее плато Чатырдага. И хотя туристы, забравшись сюда, спешат лишь на высшую точку, право же, стоит пройти и в другой конец — к обрывам Ангарского мыса (Ангар-бурун — 1453 метра). Он выше известной вершины Ай-Петри и также украшен скалистым гребнем с пиками торчащих зубцов.

Стоя здесь, невольно любуешься не только

---

[2] Примечания: 2

Карст — своеобразные формы рельефа и гидрологический режим, свойственные местностям, которые сложены растворимыми в воде и трещиноватыми породами (известняки, гипсы); характеризуются воронкообразными углублениями, провалами, пещерами, исчезающими реками и озерами.

панорамой далеких гор и крымской степи, но и долиной Салгира, которую в самом верховье принято именовать Ангарской. Являясь пониженным сбросами участком суши (грабеном), она врезается в самое сердце главной гряды. Ее форма и цвет напоминают зеленый листок, зазубренный по краям. Десятки мелких и крупных оврагов устремляются к ручью Ангара, как жилки листа к своему черешку.

Есть в этой долине-листке еще один важный нерв — шоссе, связывающее Симферополь с Алуштой. Движение на нем не затихает никогда, разве при снежных заносах. С высоты скалистого мыса постоянно видны десятки машин, крошечных сверху и похожих на деловито снующих жуков. По просеке, проложенной в лесах напрямик, шагают мачты высоковольтной линии; связавшись в единую связку, крепко расставив железные ноги, они похожи на альпинистов, идущих на штурм вершины. Кукольный дом лесника и нарядные зданьица буфетов хорошо дополняют весь этот пейзаж, проникнутый движением и жизнью.

Но стоит обернуться на той же вершине к западу, как сразу перенесешься в какой-то другой, непохожий мир, застывший на грани весны

и зимы. Это мир каменной неподвижности и скудного прозябания жизни. Скалистое, изрытое ямами плато напоминает лицо пораженного оспой. Камни усеивают всю поверхность. Они либо валяются грудами, как обглоданные кости, либо торчат наподобие надолб или свалившихся набок надгробий. Но, встает ли перед тобой стена или щель раскрывается где-то у ног, выпирает ли досадный бугор или местность понижается котлованом, видишь только одно: камень, камень и камень...

Несмотря на кажущееся однообразие, камни неодинаковы: встречаются гладкие и шероховатые, цельные и в дырках, в крупных глыбах и в мельчайших осколках; белые и серые, розоватые и почти черные, с прожилками известкового шпата и в пятнах других минералов; порой они теплые от солнца, иногда холодные, как тот снег, с которым они соседствуют в щелях. Есть близ Ангарского мыса и одинокий «колодец»[3], где на едва различаемом дне лежит крепко смерзшийся

[3] Примечания: 3

Карстовый колодец — сравнительно неширокое углубление с вертикальными или почти отвесными стенками, получившееся в результате выщелачивания горных пород водами, просачивающимися сверху. Колодцы бывают различной глубины. На дне их имеются отверстия или трещины, ведущие в подземные пустоты или пещеры, иногда же дно засыпано обломками горных пород. Встречаются в Крыму, на Урале, Кавказе и в других районах.

снег, выпавший кто его знает в каком году. Есть и небольшие пещерки.

Так выглядит голый и развитый карст, таков его типичный ландшафт. Он безотраден для новичка. Если бы не тощая травка, пробивающаяся пучками, да не ярко-голубое небо, не на чем бы остановиться непривычному взору. Попав в это заколдованное царство, турист обычно мечтает лишь об одном: скорее покинуть проклятые ямы и разделяющие их скалистые гребни, уйти от ощутимых да-же через подметки выступов, избежать многочисленных трещин, где, кажется, если не сломаешь, то обязательно вывихнешь ногу.

Осторожно спустившись к центру плато, попадаешь в удивительную долину, слепую с обоих концов. Она образовалась от слияния ряда воронок, расположенных у круто наклонных и выходящих везде на поверхность известняковых пластов. Днища этих воронок уже задернованы, в них изредка встречаются лужи застоявшейся мутной воды.

Здесь настоящее царство травы, — она так и стелется мягким ковром. Дерн покрывает и скаты воронок и снизившиеся валы перемычек. Вокруг — ни глубоких щелей, ни отвесных скалистых стен. Там, где последние были, лежат лишь гру-

ды обломков, словно руины какой-то крепости, взятой в ожесточенном штурме. Руководило их долгой осадой время, участвовали в ней неутомимые воины: солнце, вода и ветер.

Переберемся теперь на другую, восточную, сторону Ангарской долины, где возвышается «Столик» (Тырке — 1200 метров), во многом родственный столовой горе Чатырдага. Что за картина открывается там! На восток, сколько охватишь глазом, тянется холмистая степь, совсем без камней и без скал, покрытая буйно цветущими травами. Скучившись в большие отары, бродят по ней флегматичные овцы под присмотром собаки да одинокого пастуха, задумчиво опирающегося на длинный посох — гырлыгу. Без всякого переводчика становится ясно, что яйла — значит летнее горное пастбище.

Невольно вспоминается время, когда весь юг Украины был только Диким Полем, а скотоводство — главным занятием его обитателей. Одни лишь жилища мертвых — курганы обладали устойчивостью в этом краю; все живое перемещалось. На бескрайних лугах выпасались табуны лошадей и отары овец. Как вольный ветер, мчались из конца в конец дикие лошади и антилопы-сайгаки. Стаями пролетали птицы и

бежали проворные зайцы. Кочевали и люди.

Кто только не бывал в этом Диком Поле! Племена и народы сменялись не раз по одному лишь звериному праву — по праву сильного. Крытые двухколесные повозки скифов сменялись кибитками печенегов, за ними следовали половецкие шатры. Человеческое половодье, хлынувшее из глубин Азии, не уместилось в рамках Северного Причерноморья, оно затопило и Крым и лесистую часть Приднепровья. Орды кочевников стали главной угрозой восточных славян, и не смогла задержать их на речке Каяле русская рать...

Иллюзию расстраивает пустяк — маленькое облачко, проносящееся над головой. И притом удивительно близко — рукой подать! Сразу вспоминаешь, что перед тобой не обычная степь, а приподнятая на высоту километра. Чтобы убедиться в этом, достаточно повернуться лицом на север. И опять новые виды, иной ландшафт.

По крутому откосу яйлы дружно сбегают буки, словно стадо зеленорунных овец, сбившихся в плотную кучу. Гонит их золотыми бичами солнце, загоняет ретивый помощник — ветер. А какое приволье их ждет впереди! На три километра вширь и на добрый десяток в длину протянулась самая низкая и, казалось бы, самая пригодная для

леса яйла — Долгоруковская! Постепенно понижаясь к югу, она льнет к подножью Тырке, как Нижнее плато Чатырдага к Верхнему (это остатки одной и той же предгорной равнины, некогда окаймлявшей главную гряду). Великолепные леса, овеянные романтикой партизанских боев, — Зуйские и Бурульчинские, сплошь поросшие лесом Яман-таш, Дедов курень и Колан-баир свидетельствуют, что здесь для леса — раздолье.

Отчего же так пустынна и эта яйла? Почему буки придерживаются склонов, а немногочисленные разведчики их, выбежавшие на плато, остановились в раздумье? Робкие кустики, отмечающие главную ложбину яйлы, еще меньше привлекут взоры туристов. А между тем здесь-то и скрыто одно из чудес удивительной крымской природы.

На первый взгляд, «чудо» не столь велико: это ручей Соботкань, лениво извивающийся в крутостенном ложе своем. Чтобы понять необычность незатейливого ручейка, нужно не год и не два побродить по пустыням яйл. И лишь тогда станет ясно: «высокогорные крыши Крыма», принимающие на себя наибольшее количество осадков, сами... совершенно безводны. Влага не может здесь течь в замкнутых, ваннообразных формах

рельефа. Она попросту проваливается вглубь по мелким, обычно задернованным щелям. Влаги на яйлах так мало, а почвы настолько тонки, что лес — не жилец и этих местах.

Если проследить за течением ручья Соботкань, «висящего» в непроницаемом глинистом русле над тысячами всяких пустот, то на третьем километре пути от леса приходишь к запруде, прозванной пастухами «Провалье». Когда арык, подводящий к ней воду, закрыт, влага идет естественным ложем и исчезает в поноре (поглотителе) глубокой воронки, среди хаоса известняковых глыб. Спустившись меж ними, попадешь под эффектный навес, образованный толстым, круто наклонным на запад пластом, а пробираясь все глубже в прохладную мглу, приходишь в тупик: путь преграждает мелкое, уходящее под свод озерко, не пересыхающее и жаркие годы.

В засушливую пору лета ручей не доносит влаги к коронке провала и исчезает значительно выше в маленьких трещинах, чтобы километра через три (напрямик) мелькнуть перед изумленным туристом в Нижнем коридоре Красных пещер и вскоре выйти наружу речкой Кизилкобинкой. Долго не догадывались люди, что лабиринт Крас-

ных пещер начинается от озерка «Провалье», что Соботкань и Кизил-коба — части одной и той же карстовой речки, связанные подземным потоком, из которого известна лишь самая малая часть...

Таковы карстовые ландшафты Крыма, полного неожиданностей не только в наземной, но и в подземной, невидимой части. Таков тот край, куда едут сейчас следопыты.

В краеведческом музее

Поезд медленно приближается к Симферополю. Ребята не отходят от окна, вглядываясь в неясные очертания Крымских гор. Все холмистее становится степь с ее мозаикой виноградников и садов. Все уже наибольшая из долин Крыма, созданная Салгиром. Еще немного — и впереди вырисовывается высокая башня с часами.

Симферопольский вокзал.

Он встречает юных путешественников, поблескивая огромными окнами, услужливо распахивает массивные двери. В просторных залах его красуются перистые пальмы и усеянные плодами лимонные деревья. Есть и совсем странные растения, незнакомые даже Владимиру Васильевичу. У многих замирает сердце: начина-

ется что-то невиданное, необычное — настоящий «волшебный край», воспетый Пушкиным.

Молодые путешественники стремятся дальше на юг к Красным пещерам, но непреклонный руководитель ведет их в краеведческий музей. Недовольство проходит быстро: всем нравится одна из богатейших сокровищниц родной Украины. Сколько здесь интересных экспонатов, сколько отделов — один краше другого! Притихнув, ребята послушно идут за экскурсоводом который знакомит их с природой горного Крыма. Клетчатая ковбойка Снежкова мелькает то у одной, то другой витрины. Он ухитряется одновременно слушать экскурсовода, осматривать экспонаты и вести записи в своем «гроссбухе», как иронически прозвал Владимир Васильевич Костину толстую тетрадь. Приметна в толпе и вышитая по-украински рубашка Коваленко. Но он занят совсем другим. Боря славится среди кружковцев как хороший художник, и сейчас ему поручено делать зарисовки.

Мальчики неспроста подружились. Во многом они как бы дополняли друг друга, в остальном были очень похожи. И в выходце из села Боре и в горожанине Косте город вызывал смутное недовольство своим нагромождением скучных

коробок-зданий, своим отрывом от окружающей роскошной природы. Но стоило шагнуть за любую околицу, чтобы попасть в какой-то другой, просторный и приветливый, мир — мир охотников и рыболовов, туристов и краеведов.

В Симферополе дело обстояло иначе.

— Наш город, — говорит экскурсовод, — хорошо распланирован и достаточно озеленен в последнее время. Но его окрестности обеднены человеком прошлого. Сейчас советские лесоводы выращивают парки: и на окружающих город высотах, и по берегам Симферопольского водохранилища — его вы увидите по дороге в Алушту. Но все это только начало. Пройдут года, пока на тощих, вымытых водами почвах возродятся леса. А некогда они покрывали не только вторую и третью горные гряды, но и прилегающий участок степи...

— Охраняйте родную природу! — заканчивает свою взволнованную речь экскурсовод. — И в первую очередь — крымский лес, под сенью которого будете путешествовать. Берегите молодые посадки: они ваши ровесники, и расти им, как и вам, долгие годы. Дорожите зеленым другом. «Леса, — писал Паустовский, — учат человека понимать прекрасное. В лесах с наибольшей

выразительностью предстают перед нами величавая красота и могущество природы!»

Костя смотрит на витрину и останавливается на поразившем его высказывании Энгельса:

«...так на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над нею так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять»[4].

«Значит, — записывает Костя в своей тетради, — человек не покоритель природы, как выражаются сплошь и рядом, а преобразователь ее. И прежде, чем вмешиваться в дела природы, ее надо познать!»

Беседа окончена. Владимир Васильевич от имени группы благодарит экскурсовода и ведет ребят в зал геологии Крыма. Здесь находится самый важный для них раздел, посвященный пещерам.

---

[4] Примечания: 4

Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполигиздат, 1953, стр. 140-141.

В углу установлены макеты Темной пещеры (Карани-коба) и Скельской с их залами, которые считаются пока наибольшими. Над ними висят разрезы других пещер и грандиозных провалов — Бездонного колодца (Топсюс хасар), еще не пройденного до конца, и двухтрубного Монастырчокрака. Владимир Васильевич берет указку.

— Как видите, в Крыму есть пещеры различной формы: вертикальные (указка касается Бездонного колодца Чатырдага), горизонтальные (Нижний и другие коридоры Красных пещер), наклонные (Наклонный колодец Чатырдага), кольцеобразные (Кильсе-коба на Караби-яйле), в форме раструбов (Малая ледяная); и в форме мешка (Большая ледяная, на той же яйле). Зимой последние хорошо улавливают холодный воздух, а летом не выпускают его.

Формы пещерных полостей в значительной степени определяются характером трещиноватости пород... В дальнейшем на них сильно воздействуют проточные или стоячие воды (обводненные пещеры), а в сухих развитие натечных образований, украшающих пол, потолок и стены пещер. Смотрите...

У ребят разгораются глаза. Особенно поражают минералогические богатства пещер. За стеклами

двух небольших витрин так и переливаются кристаллы кальцита[5] от совершенно прозрачных (исландский шпат) до окрашенных в самые разнообразные оттенки. На полу лежат стволы сталактитов и сталагмитов[6], круглые и толстые, как бревна. Их поперечные шлифы напоминают годичные кольца стволов деревьев, только не в пример цветистей и ярче.

— Де-е-вочки! Красота-то кака-а-я! — нараспев выговаривает склонившаяся к ним бойкая восьмиклассница — низенькая, курносенькая, с длинной косой золотистых волос и васильковыми глазами.

— Помолчи, Кузнецова, — строго одергивает Костя. — Лучше послушай.

Но руководитель, как всегда, не спешит. Он молча оглядывает обступивших его питомцев,

---

[5] Примечания: 5

Кальцит, или углекислый кальций — самый распространенный, после кварца, минерал. **Исландский шпат** — разновидность кальцита, обладает свойством двойного лучепреломления (при рассматривании через него предметов дает двойное изображение). Находит широкое применение в технике для изготовления поляризационных призм.

[6] Примечания: 6

Сталактиты — известковые натеки, свешивающиеся в виде сосулек с потолка пещеры. Образуются от просачивания испарения насыщенной углекислой известью воды. **Сталагмиты** — известковые натеки, поднимающиеся вверх в виде конических столбиков со дна пещеры, часто навстречу сталактиту. Образуются при падении капель воды, насыщенной углекислой известью.

так знакомых и все еще мало известных ему, не раскрывшихся до конца. Как различно сейчас выражение их внимательных глаз!

«Интересно, кто станет спелеологом? Пожалуй, Костя. Впрочем, может быть, и Боря...»

Действительно, лицо Коваленко преобразилось как никогда. Глядя на умного юношу, жадно всматривающегося в облик крымских пещер, Владимир Васильевич подумал, что озорство Бори чисто внешнее, от избытка сил. Придет время, и этот коренастый паренек еще покажет себя с лучшей стороны.

— Боря, а большие у твоего села пещеры? — вдруг спрашивает руководитель.

От неожиданности Коваленко отвечает на родном языке:

— Хиба то пещеры? Для малых диток! Ось тут бы полазыты...

— Теперь-то полазишь, — улыбается Владимир Васильевич. И дружески добавляет:

— Пока я буду рассказывать, зарисуй вот эту модель Красных пещер. А ты, Костя, записывай в своем «гроссбухе». Пригодится при составлении отчета. Итак, ребята, начнем отсюда.

Юные следопыты окружают указанный руководителем прозрачный куб и рассматривают

его, не скрывая восторгов. Модель поражает мастерством исполнения. Трубочки подземных ходов, свивающиеся в замысловатый клубок, кажется, совсем не касаются в ней стенок; но сразу заметишь, что в двух местах они все же выходят наружу. Владимир Васильевич не спеша разъясняет:

— Это единственные пока из доступных человеку входов, ведущих в Нижний и Верхний коридоры, расположенные один над другим. Все, что вы видите в середине прозрачного куба, сделанного не из стекла, а из особой пластмассы, представляет собой точные, но уменьшенные слепки глубинных ходов. Некоторые из них заканчиваются тупиками, и тогда они похожи на щупальца спрута. Другие будто обрублены. Знак вопроса указывает, что они еще не пройдены до конца.

— А что за «штопор» там в середине?

— Это «Соединительный ход». Он соединяет Нижний и Верхний коридоры. До открытия его коридоры считались обособленными пещерами и носили разные названия. Второй этаж нижних пещер именуют Грибоедовским коридором. Александр Сергеевич Грибоедов действительно бывал там в 1825 году.

— Владимир Васильевич, а это что... с проломанной стенкой?

— Такие расширения подземных ходов именуют «залами». Два из них вскрыты, чтобы показать внутреннее убранство. Более крупный зал с разноцветными стенками прозван «Теремом Хозяйки Красных пещер», а более мелкий — «Провальным»; в нем находятся два провала в форме ноздрей.

— А что голубеет вот там, в конце Нижнего коридора?

— Это и есть самое удивительное в Красных пещерах: маленький участок подземной реки, текущей от запруды Провалье (указка касается карты). Начинается он у Верхнего озерка, а заканчивается через пятьдесят с небольшим метров, у Нижнего. На самом же деле речка продолжается в обе стороны, особенно от Верхнего озерка, хотя за ним еще никто не бывал. Вот почему у обоих озерков поставлены знаки вопроса. «Главный», выполненный покрупнее, стоит у Верхнего.

— А почему никто не бывал? — удивляется Боря.

— Потому что трудности исследования подземной реки весьма значительны. Например, нужно нырять в сифоны — извилистые и, как

правило, тесные, а иногда просто непроходимые трубы в толще известняка, изгибающиеся дугами книзу или даже кверху. Они всегда под напором, наполнены холодной водой. Один из сифонов и соединяет воды Верхнего озерка с каким-то другим...

— А у Нижнего озерка есть сифон? — спрашивает кто-то сзади.

— Есть и у Нижнего, но туда нырять неинтересно: через сотню-другую метров доберешься до тех недоступных человеку щелей, из которых бьют кизил-кобинские родники, тогда как, преодолев верхний сифон, например в водолазном костюме, можно долго двигаться вверх по реке...

— Сколько? — спрашивает, затаив дыхание, Боря. Костя молча кивает головой: он думает о том же.

— Вероятно, с десяток километров. Подземные реки еще меньше наземных придерживаются какого-то русла. Тем более, что воды в них могут перемещаться не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении и даже описывать сложные спирали. Протяженность изученных ходов пока незначительна — два с небольшим километра.

Одноклассник Бори и Кости Митя Балабанов,

которого за упитанность и пристрастие к еде единодушно выдвинули на должность «завхоза группы», поднимает руку, как на заправском уроке. Спрашивает он неожиданным для его телосложения тоненьким голоском:

— Владимир Васильевич, а рыбы в подземных речках бывают?

— Кто о чем, а Митяй об еде, — ухмыляется Боря.

Все дружно смеются.

— А ну тебя, Борис! Я вполне научно.

Владимир Васильевич кратко рассказывает о рыбах. Больше вопросов нет, — всем хочется поскорее увидеть подлинный и, как только что они узнали, далеко еще не исследованный полностью лабиринт Красных пещер. У каждого мысль: «А вдруг удастся открыть что-то новое, разгадать какую-нибудь тайну крымской земли?!»

Заповедное урочище

От главного шоссе Симферополь — Алушта, к востоку от села Сорокино, отходит грунтовая дорога. За маленькой, неказистой с виду деревенькой Краснопещерской она переходит в тропинку. На виду утеса, сторожащего подступы

к Красным пещерам, она доверчиво жмется к самому руслу холодной светлоструйной речонки, ныряет в чащу орешника и неожиданно выводит к обрыву. Здесь кончается присказка и начинаете сказка.

Горизонтальная протяженность окончательно уступает место вертикальной, и эти измерения — ввысь и вглубь — целиком захватывают посетителя.

Впереди сквозь тончайшую дымку воздушных паров встают темно-красные скалы. Сомкнувшись большим полукругом, они образуют глубокую впадину, похожую на внутренность раковины. Всю ее выстилает перламутр разноцветных натеков. Нет здесь и однообразия форм: кое-где скалы стоят одиноко, как башни — без примыкающих к ним крепостных стен, в другом месте уцелели лишь стены, а от башен нет и следа. Тут, сбегая каскадами вниз, выдвигаются ступени террас и полукруглые скамьи, там в толщу скал врезаются гроты и ниши, наподобие театральных лож.

Сценой этого природного амфитеатра служит воздвигнутая в центре площадка, сложенная губчатой массой туфового известняка. Белый обрыв площадки усеян темными отверстиями

пещер. На ее северный край резко взбегает тропинка, с южного — срывается небольшой водопад Суучхан (Летящая вода). Сверкая на солнце, он брызжет пенистой влагой, окутанной туманом мельчайших брызг, и скачет все ниже и ниже по темно-зеленым мшистым уступам, пока не скрывается в зарослях. Дальше — одно лишь журчанье да приятные волны прохлады отмечают течение вод.

Царство красного мрамора оживляет не только вода, но и зелень. Излишняя нагота площадки скрыта покровом роскошных трав. Тысячелетняя старость изборожденных морщинами скал скрашивается кудрявой молодостью кустов и деревьев. Даже самые голые камни, и те в пятнах мхов и лишайников, во всем многообразии расцветок и форм.

Особенно хорошо в долине реки! Здесь, как невеста в подвенечном платье, стоит белоцветный боярышник. Там шиповник украсил свои простенькие одежды узором из розовых лепестков. Рядом развесил зеленоватые сережки ягод кизил. Еще незаметней орешки лещины.

Могучий ясень с растрескавшейся корой, похожей на кожу крокодила, поднял над лесом гордую крону и поглядывает свысока. Тянутся,

чтобы не отстать, мелколапчатый крымский клен и древовидная крымская рябина, но где им догнать великана! Странные — низкорослые и кривые — дубки штурмуют каменистые склоны. Еще выше забрались буки: вцепились в скалы щупальцами корней и бесстрашно качают над пропастью свои узловатые ветви. Растительные удавы юга — крымская лиана «клематис» с душистыми бутонами белых цветов и вечнозеленый плющ с его как бы лакированными, жесткими листьями — соревнуются с диким темнолозовым виноградом и жадно тянутся к свету. Опутанные ими деревья и скалы создают картину почти тропического, местами труднопроходимого леса.

Все это, хлынувшее разом, ошеломляет юных туристов. Долго стоят они молча, созерцая необычайный пейзаж. Первой нарушает тишину Лена Кузнецова:

— Если бы здесь не было никаких пещер, то и тогда стоило бы сюда прийти... Да что вы стоите как вкопанные? А ну, побежали!

— Назад, Лена! — начальственным окриком останавливает девочку Костя. — Сейчас беседа. И вообще не забывай правило: туристы в гору не бегают.

— Тоже мне, «правило да правило». Уж и ша-

гу нельзя ступить без правила! — возмущается неугомонная туристка, впрочем, тихонько, чтобы не услышал Владимир Васильевич.

— Налюбовались, ребята? — спрашивает он. — Теперь потолкуем. Перед вами типичное урочище, то есть участок, который отличается от окружающей его местности рядом естественных признаков. Здесь такими признаками являются необычная форма и окраска скал, тенистая роща, первая среди оголенных западных склонов яйлы, а также никогда не пересыхающая речка, начинающаяся водопадом. Урочище заповедное, но строгого заповедного режима пока, к сожалению, нет.

— Что за белые камешки лежат на дороге? — интересуется Лена.

— Это известковый туф, своего рода «поверхностный сталактит». Мощные отложения его создал водопад. За тысячи лет существования он не раз менял место своего падения и, в конце концов, образовал большую площадку. Сейчас вы ее увидите.

Молчание, вынужденное крутым подъемом, сменяется шумным восторгом: туфовая площадка на редкость ровна и просторна.

— Хоть в футбол играй! — выкрикивает Боря

и, подбежав к обрыву, добавляет: — Но если мяч забьют здесь в аут... то не позавидуешь.

С разрешения Владимира Васильевича все, сбросив рюкзаки, разбегаются кто куда. Костя дошел до леса и уже что-то пишет в тетради, а Боря, усевшись над самым обрывом, самозабвенно рисует. Одна только Лена бродит меж ними взад и вперед, не находя себе места.

То, что считалось возможным лишь в сказках, стоит перед ней наяву, кажется одухотворенным и полным значения. Скалы, нахмурившись, думают какую-то свою, бесконечную думу. Деревья, столпившись у речки, что-то шепчут друг другу и машут косынками крон. А вдали над шатром Чатырдага возникают и тут же бесследно тают белые облака: легкие, как дыхание лета, светлые, как мечты.

Костя вскоре скрывается в чаще и долго стоит у истоков речки, прислушиваясь к ее языку.

«Откуда текут эти прозрачные воды? Что они видят на своем пути?..»

Пока Снежков вносит новые записи, Боря и Лена, взявшись за руки, стремительно бегут к водопаду. Спустившись, они любуются его «душевой»:

— Вот она, мастерская по изготовлению туфа!

— торжественно восклицает юноша. — Смотри в лупу... видишь? Ведь это же занесенные водой стеблинки и листья разных растений. Постепенно они покрываются кристаллами и каменеют. Ты посмотри, какая работа. Прямо не водопад, а мастер филигранного дела!

В горах раздается звук мелодичной сирены, подхваченный многоголосым эхо: это Владимир Васильевич созывает ребят на экскурсию. И все еще раз убеждаются, насколько лучше пройти с человеком, знающим местность: многого они, оказывается, не заметили, а из виденного поняли далеко не все.

— Нет, ребята! Понравившийся вам грот с небольшой лежанкой и нишей над ней использовали не только туристы. Там жил первобытный человек, как раз на грани между историческим и доисторическим прошлым (конец бронзового века). Где-то в ближайших окрестностях есть местечко еще интереснее, оно было найдено археологом-любителем Забниным. Известны и другие стоянки, в частности в Верхнем коридоре пещеры и на площадке, над ним. Новая культура получила название «Кизил-кобинской». Руководящим элементом ее служит праздничная лощеная посуда, преимущественно черного цвета

и с орнаментом из белой глины, втертой в бороздки, а также более грубые кухонные горшки.

— Одни горшки! — огорченно бормочет Митя. — А бронза?

— Бронзовых предметов нашлось немного: в Крыму нет ни медных, ни оловянных руд. Среди оружия преобладают находки из кремня и кости, встречаются хорошо отполированные каменные топоры... Есть вопросы?

Вопросов много, но уже смеркается. Пора заняться разбивкой лагеря и притом поживее. Возвращались довольные виденным, распевая марш собственного сочинения:

Под кронами сосен тенистых,
Ночной покидая приют,
В палатках своих серебристых
Туристы встают и поют:

Везде нам дороги открыты
В просторах любимой страны.
Вперед, следопыты! Где тайны сокрыты,
Всегда мы и всюду нужны!

Пусть ветер, известный проказник,
Пусть дождь нас догонят в пути,
Идем мы в поход, как на праздник,
Нам весело с песней идти!

В едином порыве мы слиты,
И трудности нам не страшны.
Вперед, следопыты! Где тайны сокрыты,
Всегда мы и всюду нужны!

Что жизни походной есть краше?
Не счесть приключений и встреч...
Здесь учимся Родину нашу
Любить, познавать и беречь!

Идем мы по тропкам забытым,
Пытливы, зорки и дружны...
Вперед, следопыты! Где тайны сокрыты,
Всегда мы и всюду нужны!

Таинственный знак

Под песню палаточный городок растет очень быстро. Но тут хорошее настроение испортил завхоз:

— Ребята, а хлеб-то в Перевальном... мы так и не купи-и-ли...

Все так и кинулись к Балабанову.

— Тоже мне «завхоз»! Настоящий Митяй-лентяй! Не зря тебя так прозвали.

— А мы-то думали: любит поесть, так уж о продуктах не забудет!

— Забыл, так катись в Перевальное... Жирок порастрясешь.

Предложение нравится. Но завхоз взмолился самым жалобным голоском:

— Да что вы, ребята! Хлеба-то нужно килограммов тридцать... я же не донесу!

— Митя прав, — вмешивается руководитель, мысленно ругающий самого себя за такую оплошность: он привык доверять своим следопытам и совсем забыл, что Балабанов — новичок, не привык к порядкам кружка. — Кто поможет принести хлеб?

Первым отзывается Снежков, к нему присоединяется Коваленко. Оба опоражнивают свои рюкзаки и пускаются наперегонки вниз. Митя, сунувший деньги Косте, пытается увильнуть от прогулки: ведь он не большой любитель ходить, да еще с грузом. Но его со смехом выталкивают на тропинку и, дав сзади легкого тумака, отправляют в путь.

Закупив хлеб в селе Перевальном, ребята решают идти напрямки. Для этого, поднявшись на невысокое плато, засекают направление на глазок, без компаса (его и не подумали взять). Конечно, все могло сойти благополучно, если бы не туман, свалившийся с Чатырдага и догнавший их

на середине пути. Как по мановению волшебной палочки, отдаленные предметы исчезли. Вскоре туман погустел настолько, что стало видно лишь метров на двадцать, не больше. Двигаясь как в парном молоке, все трое спускаются к неизвестному им притоку, приняв его за речку Кизил-кобинку.

Сомнения появляются скоро. Куда подевались Красные скалы? Почему тропинка в лесу чуть заметна, словно по ней давно не ходили? Странно, что не слышно и крика ребят (не кричать они не могут, недаром Владимир Васильевич прозвал свою группу «галдежно-молодежной»). Сомнения разрешил ветер, всколыхнувший густую завесу тумана, — впереди показались красноватые скалы. Увидев их, все трое кричат что есть мочи. В ответ раздается неясное эхо...

— Сбились с пути... — решается сказать правду Снежков. — Что будем делать, ребята? Может, вернемся в село и пойдем по дороге?

— Ну уж нет! Назад хлеб тащить? — запищал измученный Митя.

— Да мы их найдем... они где-то близко, — не теряет надежды Боря.

Найти лагерь им не удается. А между тем наступила по южному темная и по-северному

прохладная ночь. Хорошо, что еще засветло Коваленко обнаружил маленький грот — «ровно на три персоны». Сделать в нем пышную перину из прошлогодних буковых листьев — дело десятка минут. А когда перед входом разгорелся яркий костер, жить стало даже интересно:

— Как это там ребята едят без хлеба, — не без злорадства изрекает Митя, уписывая за обе щеки вкусно хрустящую корочку.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы лучше помолчала! — рассердился Костя.

— Всех подвел и еще радуешься?! Вот вытолкаю из грота, так будешь знать! — пообещал Боря.

Угроза действует неожиданно сильно: Митя давится корочкой и начинает трясти головой. Приходиться выручать — молотить кулаком по спине, что оба друга делают с большим удовольствием...

Утро не радует заблудившихся. Туман рассеялся, но вокруг стоят незнакомые скалы. Для разведки Боря лезет на самый высокий утес и кричит оттуда:

— Братцы! Вижу Краснопещерскую! Ого, куда мы зашли!

При спуске Коваленко еще раз оправдывает звание «лучшего следопыта»: под стеной красно-

ватых скал в толще пожелтевшего от старости туфового известняка он находит пещерку. С трепетом первооткрывателя быстро вползает внутрь и разочаровывается:

«Вот тебе раз. Обвал, и совсем свежий... До самого потолка... М-да, невелика пещерка, даже не выпрямишься. Но ничего, я ее открыл, я и назову. Ну, например, “Борисовская пещера”»...

Однако рука, вооруженная карандашом, так и замирает в воздухе: на самом гладком месте пещеры начертаны красной краской латинские буквы «Эн» и «Бэ», сливающиеся, как в монограмме, и заканчивающиеся восклицательным знаком — NB! Чтобы лучше рассмотреть надпись, следопыт подползает к ней на руках и... наталкивается на что-то круглое:

«Авторучка! Конечно, испорченная. Видно, давно валяется... Вот тебе и “Борисовская пещера”. Вечно выскочит кто-нибудь вперед. И как теперь делать научные открытия!»

Разочарованный Боря отвинчивает затылочек ручки. Что это? В цоколе ручки белеет бумажка... Коваленко тотчас бежит к ребятам. Снежков дрожащими от волнения пальцами разворачивает кусок плотной бумаги с чертежом, покрытой кое-где ржавыми пятнами:

— Это план пещерного зала. Какая странная форма! Восемь извивающихся, как щупальца, ходов. Два «глаза» и «тело», вроде мешка. Настоящий осьминог! Правда? Стрелка с буквами «N» и «S» указывает север и юг. Но что значит вот это?

— Так я ж видел такой знак в пещере! — восклицает Боря. — А как вы думаете, что означает крестик, стоящий в центре зала... у кружка с надписью «сталагмит»?

— Клад! — авторитетно заявляет Митя.

— Балабанову вечно мерещатся клады. Особенно из шоколада, — смеется Боря.

Митя обиженно замолкает. Снежков торопит скорее в лагерь.

Самые неприятные минуты заблудившиеся испытывают, стоя перед руководителем и выслушивая его упреки. А ругать есть за что. Вчера до самой темноты все члены отряда, разбившись на спасательные группы, прочесывали местность в разных направлениях. Когда поиски ничего не дали, Владимир Васильевич, строго приказав всем, кроме дежурных, спать, сам ночью пошел в Перевальное, но возвратился ни с чем. Расстроенные ребята даже забывают сказать о сделанных ими открытиях и вспоминают о них лишь к вечеру, во время осмотра подземной реки.

Все уже побывали на ее берегах, пришлось отправляться самим. В провожатые вызвалась Лена; ей очень хочется еще разок посмотреть на странную речку. Колесниченко не возражает: он доверяет не столько ей, сколько Снежкову. Тем более, что заблудиться там, попреки слухам, невозможно, если, конечно, не пытаться проникнуть в труднодоступные ходы, ответвляющиеся у потолка. Костя дает слово, что они туда не полезут.

И все же без приключений не обошлось. Лена чуть не упала с лестницы при подъеме из Вестибюля в Грибоедовский коридор, а Митя едва не съехал вниз через единственный провал. Наиболее интересное происшествие опять у Бори. Пока его друзья путешествуют по подземной речке, до Нижнего озерка, он подсаживается к Верхнему, помня, что здесь «главный вопрос»:

«В самом деле... какое-то волшебное озеро: вода из не-го бежит и не убывает... Где же сифон? Непонятно!»

Боря не любит долго раздумывать. Сбросив одежду, он входит в озеро и осторожно бредет по дну. Ледяная вода сводит суставы судорогой, но упрямец продолжает поиски. Засунув руку по плечо, он шарит под круто нависающим ка-

менным сводом и все же находит начало сифона. Не колеблясь, ныряет вниз головой и старается пробраться как можно дальше.

Внезапно вытянутая вперед рука хватает что-то змееподобное. Инстинкт заставляет всплыть, разум успокаивает: в воде показался резиновый шланг. Потянув за него, Боря извлекает... водолазную маску с огромными выпуклостями потускневших очков. На их ободке выцарапан тот же таинственный знак «Эн Бэ»!

Первым от Нижнего озерка возвращается Митя, он не смог долезть до него; затем — огорченные Костя и Лена: таинственная бумажка, вынутая из авторучки, куда-то исчезла. Боря тут же по памяти набрасывает план зала «Осьминог» и, приложив к нему авторучку и маску с оборванным шлангом, спешит к руководителю. Ему же вручаются план и разрезы «Борисовской пещерки».

Вечером у «Большого костра» находки подвергаются тщательному осмотру, вызывают горячие споры. Перед тем как сигналить ко сну, руководитель подводит итоги ожесточенной дискуссии:

— Итак, кто-то в водолазной маске пытался пробраться (или уже прошел!) в верховья подземной речки. Он же старался проникнуть через сухие ходы и обронил авторучку с планом. На

беду подлинный план зала «Осьминог» утерян, а копия сомнительна. Боря мог и напутать. Общепринятый смысл знака «Эн Бэ» очень прост — «Нота бене», т.е. «Заметь хорошо!» А теперь — спать! Завтра вас ждет сюрприз.

Полные смутных догадок следопыты нехотя расходятся по палаткам. Вскоре все затихает. Не спит лишь Митя. Потерянный Костей и незаметно им поднятый план не выходит у него из головы. Еще бы! Ведь в пещере клад! И он, Митя Балабанов, разыщет сокровища.

«Посмотрим, что они тогда будут говорить. Тоже мне “следопыты”! Еще задаются! Два раза подавал заявление — насилу приняли в кружок, с “испытательным сроком”: “двоечник, недисциплинированный, плохой товарищ”. Чего только не наговорили... А я им всем нос утру!»

В подземном лабиринте

Вот сюрприз, так сюрприз! Владимир Васильевич решил провести ребят через Соединительный ход. Придется ползать в подземных трубах три, а может, и четыре часа. Как это и страшно, и интересно! (Колесниченко пока молчит о главном — новых поисках знака «Эн Бэ»).

Старт необычного похода — Грибоедовский коридор длиной 175 метров. Снова комическое шествие со свечками, напоминающее карнавал (электрофонарики решили поберечь «про запас»). Вот и заманчивый ход, по которому редко кто ходит и где можно всерьез заблудиться. Начинается он под потолком коридора в виде глубокой ниши. Ее стены и свод обезображены надписями. Руководитель брезгливо морщится:

— Иллюстрация к поговорке «грамота не каждому впрок». Из всех, кто намалевал здесь свои фамилии, заслуживают внимания только две — Сухарева и Стаховского с датами 1913 и 1915 годов. По-видимому, они первые прошли этот ход, но, к сожалению, нигде не опубликовали своего открытия. В 1939 году «америку» пришлось открывать снова, и только в 1957 году группой киевских студентов был составлен первый, примерный, чертеж. Смотрите...

Все с большим интересом разглядывают копию.

— Теперь о порядке движения. Без моего разрешения никто не отходит в сторону! Видите сплетение ходов, похожее на клубок спутавшихся змей? Здесь не раз погибали люди. Мы туда не пойдем, наш путь отклоняется влево. На-

правляющим идет Костя, замыкающим — Боря. Продвигайтесь цепочкой и без разрывов... помогайте друг другу в трудных местах, светите не столько себе, сколько товарищу, идущему сзади... Да не капайте стеарином, как Лена.

Все смеются, глядя на ее синие шаровары «в крапинку». Тем временем Владимир Васильевич ловко подтягивается на руках и оказывается в нише. С его помощью поднимаются и остальные. Пятнадцать свечей, сбившись в кучу, освещают спокойное лицо руководителя и бледные, натянутые лица юных туристов. Разрядку вносит замыкающий — Боря:

— Братцы, что вы хвост-то поджали? «За трусость» у нас не дают медали. Марш вперед — Хозяйка ждет!

Шутка, сказанная вовремя, — чудесная вещь! Ребята улыбаются и уже с легким сердцем отправляются в путь. Ни узкие, неприятно скользкие и холодные щели, ни грязный, усеянный неровностями пол, ни коварные выступы низкого потолка не кажутся теперь такими опасными, как сначала. Препятствия преодолеваются четко и без всякой растерянности — первого врага спелеологов.

Этаж за этажом развертываются перед следо-

пытами новые ходы, раскрываются диковинные зрелища: арки висячих, звенящих при постукивании «мостов», окаменевшие водопады и причудливые столбы сталагмитов. Наконец, Соединительный ход делает особенно крутой завиток и приводит к яме — несомненно слепой. Все разочарованы, но руководитель не теряет бодрости духа:

— Поздравляю вас с первой, самой легкой частью пути! Теперь дело будет серьезнее. Видите яму? Перед ней останавливаются многие, считая, что здесь конец. Проверим, так ли это?

Владимир Васильевич прыгает в яму и помогает другим. Затем продолжает:

— Мы на дне бывшего озерка, вроде того, из которого сейчас выбегает подземная речка в конце Грибоедовского коридора. Раньше она протекала и здесь, через сифон... А что это за штука? Смотрите!

Молчание сменяется хохотом. Да и как удержаться при виде степенного Владимира Васильевича, втискивающего себя в немыслимо узкую щель! Смех вспыхивает с новой силой, когда от руководителя остаются одни лишь ноги, болтающиеся самым нелепым образом. Но когда исчезают и они, все затихают. Только теперь,

прислушиваясь, они замечают гнетущую тишину в этом царстве каменного безмолвия. Время словно приостанавливает свой бег, и минуты тянутся долго как никогда. Кое-кто начинает оглядываться...

— Владимир Васильевич! Вла-ди-мир Ва-силье-вич!

В ответ раздается неясный гул.

Костя и Боря переглядываются. Последний решает идти на поиски. Никому не смешно, когда в страшной щели исчезает и он. Костя командует:

— В целях экономии тушите свечи, кроме одной!

При тусклом свете еще страшней. Ребята ближе жмутся друг к другу и стараются не глядеть в темноту. А тут удружила вертушка Лена: махнула рукой и погасила последнюю свечу. Все закричали: кто со страху, а кто просто так. На этот раз их голос услышан: в щели появляется слабенький свет и взлохмаченная голова Бори (он потерял кепку).

Ребята облегченно вздыхают. Затем, не колеблясь, лезут за Борей — сначала немного кверху, а потом куда-то вниз «в тартарары». Владимир Васильевич, закончив разведку, спокойно поджидает в том месте, где штопор Соединительного

хода принимает вертикальное направление, ввинчиваясь в толщу известняка. «Колодец» оказался не столь уж трудным: в его стенках есть и выступы для рук и ямки для ног. Указывая их или просто подсаживая на руках, руководитель помогает ребятам подняться. Беспокоит его один — толстяк Балабанов. Он застрял уже в первом сифоне, да так, что одному пришлось тянуть его за руки, а другому — подталкивать в пятки.

Из колодца побледневшего Митю тащат всем коллективом веревкой. Боря при этом напевает: «Э-эй, ухнем!.. Э-эй, ухне-е-е-ем!»

Наконец, все наверху.

— Сейчас мы находимся в Провальном зале, в который пролезли через эту, более крупную «ноздрю»... Отсюда — помните модель — идут три хода в «Терем Хозяйки». Где лучше идти?

— Где труднее! — как сговорившись, кричат ребята.

— Смотрите, Владимир Васильевич, снова три фамилии и стрелки с надписью «вниз» и «вверх». Вот где нужно идти.

— Ты настоящий следопыт, Боря. Все замечаешь раньше других. Смотрите все: перед вами пример маркировки, которая, вероятно, спасла жизнь не одному человеку. С пещерами шутки плохи!

— Может, и смеяться нельзя? — забеспокоился Митя.

— Крымские землетрясения надежно проверяют прочность и потолков и стен по нескольку раз в году.

— А почему все стенки сырые?

— Соединительный ход похож на холодильник, через который от Верхнего коридора к Нижнему проходит постоянный ток теплого воздуха, насыщенного парами поды. Проходя по гигантскому «змеевику» хода, пар охлаждается и образует росу. Смотрите, как она сверкает в лучах фонарика, словно алмазы.

— И знаете что, ребята, — уже на ходу продолжает руководитель, — эти «алмазы» — настоящая драгоценность для жителей Крыма! Ведь многие из них не догадываются, что утоляют свою жажду... росой. Между тем влага, конденсируемая в пустотах яйл, дает в общей сложности огромное количество питьевой воды. И что ценнее всего, такая влага не только неиссякаема, но ее становится тем больше, чем жарче и засушливей лето... Вот почему в крымских горах есть удивительные источники — с минимальной водосборной площадью, но не пересыхающие даже тогда, когда два или три месяца подряд не выпадает дождей.

— Владимир Васильевич, окно с большим сквозняком! — кричит направляющий.

— Стоп, ребята! Складывайте ненужные вещи, дальше наш путь, после визита в «Терем Хозяйки», лежит через Ветровое окно... Попробуйте подержать в нем свечи. Видите, как задувает? Вот почему в прошлом Верхний коридор именовали Иель-коба, то есть Ветряная пещера.

В «Терем» съезжают по крутому, скользкому желобу, кто на подметках, кто на боку, а кто и на «пятой точке». Очутившись в обширном зале, следопыты поднимают изрядно сгоревшие свечи и ахают: в правом ответвлении зала открывается такая красота, что и впрямь «ни в сказке сказать, ни пером описать»!

...Высокая ниша с купольным перекрытием свода вся так и искрится от колеблющихся огоньков свечей. Розовые и красные пятна покрывают белые, сверкающие, как снег, стены. Стройные, изящные колонны перемежаются массивными и словно облитыми глазурью «идолами» сталагмитов. Над ними свешиваются с потолка еще более блестящие многокрасочные сталактиты, словно свечи, повернутые вниз...

— М-да, просто храм какой-то, — бормочет Боря и тут же поправляется: — Нет, лучше всякого

храма. Такого еще не создавал человек!

— Ура! Владимир Васильевич хочет фотографировать.

— Становитесь, ребята. Импульсной лампы я не взял: у нее пока слабая «пробойная сила». Обратимся лучше к старому, испытанному средству — магнию… Внимание. Приготовиться. Есть!

При вспышке некоторым бросилась в глаза еще одна ниша. Она тоже с беловатыми стенами, цветным потолком и украшена щеточками молодых сталактитов. Надписей нигде нет, но натечные образования чуть-чуть пострадали. Какой-то эгоист — из тех, кто живет под девизом «после меня — хоть потоп» — не пожалел даже того сталагмита, который прозван «Хозяйкою Красных пещер».

Скульптура «Хозяйки» нравится всем. Впрочем, Лену, с ее врожденным музыкальным слухом, еще более восхищает «орган» из тонких, полупрозрачных пластин натеков. Стоит провести по ним пальцами, как в воздухе раздаются гармоничные звуки... Под такой необычный аккомпанемент руководитель продолжает свои пояснения:

— Верхний коридор с его разветвлениями, в одном из которых мы находимся, — это клубок различных загадок. Почему «Терем» связан с

Провальным залом именно тремя ходами? Как текла здесь подземная речка? Трудно сказать... Предполагают, что этот зал был залит водой недолго, потому и убранство его пышнее. Но если это так, то почему Верхний коридор, который, несомненно, сделался сухим еще раньше, совсем небогат натеками? Там тоже есть скульптура «Хозяйки», но хоромы ее победнее. Многое зависит от растворимости, то есть чистоты известняка, но существуют и другие, пока еще не ясные причины.

— Неужели так много неясного? — усомнился Боря.

— Нет, почему же, есть и разгаданное. Например, из верхнего устья Красных пещер зимой валит пар, как из натопленной бани. Оказывается, температура воздуха внутри лабиринта колеблется от плюс девяти до плюс двенадцати градусов. Вот и выходит, что летом в пещерах прохладно, а зимой тепло.

Боря не слышит последних слов. Решив разгадать «загадку всех трех ходов», он незаметно ползет в самый узкий из них.

«Я замыкающий, хватятся не скоро... — успокаивает он свою, видно не совсем спокойную, совесть. — Проползу до “ноздрей”, а оттуда бегом

к Ветровому окну... Вот будет потеха: меня ищут сзади, а я впереди!»

Но мечты часто расходятся с явью: ход так узок, что где уж спешить, как бы совсем не застрять. Хорошо, что Боря помнит, как нужно двигаться в узких ходах: правая рука со свечой выбрасывается далеко вперед, а левая прижимается под грудь — плечевой пояс перекашивается и словно уменьшается в размерах, да и левая рука получает возможность активно работать, как лапа крота.

Окончание хода было неожиданным — в виде круто наклонной и скользкой воронки, обращенной раструбом к провалам «ноздрей». Боря стоя неудержимо катится вниз; зацепиться не за что. Единственно правильное решение приходит, как вспышка молнии: он сам ускоряет разбег, прыгает с обрыва прямо на узкую перемычку между провалами и, не задерживаясь, перескакивает через наибольший из них. Затем оглядывается. Только теперь ему становится ясно, какую опасность таит в себе одиночество.

К Ветровому окошку Боря приходит в удачный момент: в нем безнадежно застрял Балабанов. На все попытки ребят протащить его за руки он отвечает пронзительным криком:

— Не троньте меня! Я лучше назад полезу!

— Митя, послушай, — подсаживается к нему Владимир Васильевич, — ты, верно, забыл про «колодец» и узкий сифон, поджидающие тебя сзади?

Перед глазами «завхоза» встает жуткая щель, из которой он и не чаял выйти живым. Его тело инстинктивно съеживается, руки и ноги согласованно толкают вперед, и он благополучно вываливается по ту сторону Ветрового окна под громкие аплодисменты присутствующих.

После долгого ползания на локтях и коленях, а местами и на животе все с облегчением выпрямляются у последнего препятствия — высохшего водопада.

— Здесь тоже есть ход «для ползунков», — поясняет Владимир Васильевич, — но для разнообразия полезем наверх. Напоминаю основное правило скалолазов — «всегда три точки опоры», причем опорами могут служить не только руки и ноги. Вот посмотрите.

Владимир Васильевич хватается за почти незаметные выступы и, подтягиваясь на руках, поднимается в узкую щель. Укрепив ноги, он тут же опускает руки. Все ахают, предчувствуя срыв, но «обреченный» не думает падать, весело погля-

дывая вниз. Оказывается, он крепко упирается спиной в противоположную стенку «камина», как зовут скалолазы подобные щели. Перемещая то ноги, то спину, опытный турист почти без рук быстро преодолевает подъем и закрепляет канат для страховки.

Веселое оживление продолжается и выше уступа, где ход разветвляется на две трубы. Все лезут туда, где просторней, но Митя, чтобы избежать толкучки, направляется в щель, которая явно не приспособлена для его тучного тела. «Подсчет поголовья», произведенный Костей по выходе из трубы, обнаруживает отсутствие одного путешественника. Пока выясняют, кого, раздается жалобный крик; так кричать может только Митя. Всем кажется, что голос слышится сверху (акустика пещер обманчива). Возглавляемые Борей следопыты дружно лезут наверх. Не спешит лишь Владимир Васильевич; нагнувшись к самой узкой из труб, он светит фонариком.

— Спокойнее, Митя. Нужно выбираться назад, здесь не пролезешь. Давай теперь руку... Крепче. Вот так.

— Ой, Владимир Васильевич! Как ноги болят. А на животе у меня, кажется, мозоли.

— Ничего, Балабанов, человек ко всему привы-

кает. Нужно побольше тренироваться.

«Тренироваться? Ну нет, — думает Митя. — Больше я в пещеры не полезу! Даже за кладом. А план выкину, ну его...»

Завершающий спуск кажется бывалым туристам простой забавой, а Верхний коридор после пройденных труб поражает сухостью и шириной. Боря, бывавший в Киеве, просто ликует:

— Да это же, братцы, Крещатик. Честное слово!

Последний к выходу зал приводит в еще больший восторг: здесь видны охапки свежего сена и следы недавно горевшего костра. Все поясняет записка группы студентов Московского университета:

«Настоящий зал объявляется аудиторией первого курса географического факультета. Милости просим в наши хоромы — зал вполне годный и ход свободный!»

Путь окончен. Радостно возбужденные ребята направляются к выходу. Последним идет Владимир Васильевич. Его лицо озабочено.

«Странно, почему нам не встретился значок “Эн Бэ”? Или это шутка какого-нибудь туриста, начитавшегося детективных романов... А если нет? Ведь не полезешь же в холодную воду, чтобы просто засунуть маску в сифон? Да и завал... Придется

самому осмотреть “Борисовскую пещерку”».

О мастерах подземного спорта

В тот же вечер была выпущена газета, посвященная итогам похода. Сгрудившись возле нее, ребята бурно обсуждали заметки, написанные под непосредственным впечатлением от пещер. Особый интерес вызвала написанная Владимиром Васильевичем передовая. Называлась она «Слово о мастерах подземного спорта».

Вот что в ней писалось:

«Альпинисты штурмуют вершины при дневном свете, ночь и туман прекращают их восхождения. Спелеолог трудится в условиях вечной тьмы, его всегда сопровождает сырость. Исследователя пещер не подбадривает солнце, не радуют раскрывающиеся дали, — его мир тесен и угрюм. И плохо, если не рассчитаешь силы, допустишь непоправимую оплошность: призывы о помощи не расходятся далеко, они глохнут в каменной толще...

Труден путь подземных туристов. Природа с исключительной изобретательностью ставит им всякие преграды. Но, хотя чуть ли не каждый

метр дается победителям глубин не легче, чем покорителям вершин, подземники еще не пользуются всесоюзной известностью и вызывают недоумение многих кажущейся бесполезностью действия. Между тем исследования глубин нужны не меньше, чем восхождения на снеговые вершины.

Почти треть всех советских земель подстилают или составляют снаружи карстующиеся породы. Знание этих толщ необходимо строителям городов и селений, прокладывающим железные дороги и врубающимся в поисках ископаемых в горы (золотоносные пески, бокситы, радиоактивные руды и пр.). Карст интересует создающих каналы и водоемы, строящих гидроэлектростанции и шахты, занимающихся лесоразведением и сельским хозяйством. Им увлекаются геологи и гидрогеологи, минералоги и кристаллографы, ботаники и зоологи, историки и археологи. В мрачном «царстве Плутона» сделано немало открытий, еще больше неведомого там и поныне.

Часто инженерам и ученым недостаточно буровых скважин, им нужно спуститься самим и осмотреть полости своими глазами, провести там кропотливые, длительные наблюдения. А

это не всем удается: кроме силы и гибкости мысли, нужны сила и гибкость мышц! И вот почему в спелеологии давно уже назрела потребность в содружестве науки и спорта, какое мы видим пока в альпинизме. Нужны не просто спелеологи, а спелеологи-спортсмены, нужны мастера подземного спорта!

Июнь 1958 года. —
В. В. КОЛЕСНИЧЕНКО».

ЗАГАДКИ КРАСНЫХ ПЕЩЕР
Снова в Красных пещерах

Прошло четыре года. Все так же шумит порожистая речка, выбегая из таинственных недр Долгоруковской яйлы. По-прежнему шепчутся о чем-то деревья и журчит водопад. Почти не изменились ни амфитеатр Красных скал, ни глубокая раковина главного ущелья. Кроме следов небольших обвалов да свежей поросли кустов и деревцев, ничего нового не найдет даже самый наблюдательный глаз. Природа не спешит: большая стрелка ее часов показывает века, маленькая — тысячелетия.

Но как изменились те трое, что остановились у Нижнего входа Красных пещер! Трудно узнать в этом красивом, высоком юноше бывшего старосту юных следопытов — Снежкова. Закончив школу с золотой медалью, он побывал в спелеологической экспедиции, затем поступил в МГУ. Теперь Костя — студент третьего курса геологического факультета и глава небольшой экспедиции, организованной Музеем землеведения.

А как подрос Боря, каким стал кряжистым и

широкоплечим! Веснушки на его чуть скуластом лице исчезли, на голове уже не торчит хохолок непокорных волос, в глазах светится не озорство, а спокойная уверенность человека, знающего свое место в жизни и свои силы. После службы в Советской Армии Коваленко работает на крупном московском заводе, известном по всей стране. Интерес к пещерам жив в нем по-прежнему, он постоянный спутник Кости в его подземных путешествиях.

Но кто третий? Эта невысокая, ладно сложенная девушка, одетая, как и ее спутники, в альпинистский костюм из нейлоновых серых очесов? При виде золотистых волос и глаз василькового цвета вспоминается что-то знакомое. Конечно, это Лена Кузнецова, работающая сейчас на том же заводе, что и Боря. Кто еще может так восклицать:

— Да что вы стоите как вкопанные? Идемте. Я просто умираю от жары...

— Не выйдет из тебя хороший турист, Лена! Все такая же торопыга, как и была. Если бы не Боря, ни за что не взял бы в такой ответственный поход!

Поход в самом деле сложный. Цель его — пройти весь лабиринт Красных пещер и при этом отгадать загадку «Эн Бэ». Поиски, проведенные

четыре года назад, оказались напрасными: на пути спелеологов встали завалы и сифоны, которые можно было преодолеть только со специальным снаряжением. Долго готовились друзья к этой экспедиции, но все ли учтено?

Лицо Кости суровеет, в голосе появляются «колесниченковские» нотки:

— Напоминаю еще раз, Лена, твое дело — оказывать нам помощь. Держи связь со сторожем заповедника и с нами. Электрофонарь не включай — береги батарею... Если нагрянут посторонние лица, сумей отвадить. Признайся, не струсишь, когда останешься совсем одна в подземном тунеле?

— Вот еще выдумки! — вспыхивает девушка. — Лазайте себе сколько угодно, я не соскучусь. Видите книгу? Это новое издание Норберта Кастере «Десять лет под землей». Хочу перечитать еще раз, под землей.

— Лена, что ж ты молчала? — так и кинулся к ней Коваленко.

— Это подарок Владимира Васильевича. Как жаль, что болезнь держит его в постели.

Друзья призадумались. С присущей ему придирчивостью Костя перебрал в памяти наказы учителя, которые тот дал во время посещения

ими санатория, где он лечится.

«Итак, что нас ожидает? Холод? Мы закалены зимними купаньями. Скалы? Но ведь нами завоевано областное первенство по скалолазанию. Вода? Мы закончили специальные курсы водолазов и три дня тренировались в Симферопольском водохранилище. Узкие щели? Нами пройдена хорошая школа Колесниченко. Пропасти? Мы не раз спускались и поднимались по капроновой лестнице длиной пятьдесят метров и более. Нет, кажется, мы готовы. Даже Лена, и та не отставала ни в чем. Молодец, девушка!» (Высшая похвала в устах Кости, очень требовательного к «прекрасному полу».)

— Ну что же, пошли! — решает Снежков.

Мужчины вскидывают за плечи резиновые рюкзаки, а Лена берет огромную сетку со своим скафандром и другими вещами.

Вот и второй этаж лабиринта. Туда ведет теперь металлическая лестница с удобными перилами и двумя фонарями. Электрифицирован и весь Грибоедовский коридор, пол которого старательно очищен от глыб; провал, ведущий вновь на первый этаж, как и озера подземной речки, имеет ограждения. Ведь урочище Кизил-коба считается сейчас настоящим заповедником, и за порядком

смотрит специальный сторож. Он же снабжает туристов хворостом из окрестных лесов, следит за туалетными домиками и ямами для мусора, беспощадно штрафуя нарушителей, особенно любителей расписываться на стволах и скалах.

Продвигаясь по коридору, Костя молчит, думая о трудностях: техника и тактика подземного туризма и поныне разработаны слабо, а неожиданностей может быть много. Вдруг лицо его посветлело — ему вспомнились бодрые слова, сказанные Владимиром Васильевичем при последнем свидании:

«Не бойтесь этого трудного дела, а главное, поймите его необходимость. Ведь если мы достаточно хорошо исследовали поверхность родной планеты, то и поныне почти не знаем, что творится в ее глубинах. Достаточно сказать, что в маленьком и как будто хорошо изученном горном Крыму все еще насчитывается до сотни пещер, которые мало или почти не обследованы... Мечтая о поездках в Арктику и Антарктиду, следует помнить, что Страна Неизвестного находится и совсем рядом, буквально у наших ног. Подземный Крым должен выдать нам все свои тайны, и чем скорее, тем лучше!»

Боре не терпится приступить к делу. Но мысли

его текут в другом направлении: а что если встретятся кости пещерного медведя? Или, скажем, рисунки первобытного человека, отвоевывавшего в тяжелой борьбе свое право на жизнь в пещерах и гротах? Эх, если бы найти, как Кастере, хоть один рисунок! Или, например, статуэтку...

Лена, всегда предпочитающая чувства мыслям, любуется друзьями, которые ей особенно нравятся в минуты раздумий.

«Какие они умные и сильные... С такими — хоть на край света...»

— Слышите? — вслух произносит девушка. — Это шумит подземная речка. За чем же опять остановка? И где, у порога тайн!

— Надеваем скафандры! — командует Костя.

Через десять минут друзей не узнать. Их скафандры сделаны по-особому. Бросаются в глаза более легкие, но не менее надежные металлические манишки из магниевых сплавов и полное отсутствие других тяжеловесных привесок. Кроме налокотников и наколенников, «заплаты» из крепкой ткани сделаны и на боках резиновых рубашек: спелеологу нужно не столько нырять, сколько ползать. И притом в самых немыслимых позах.

Мощные электрические фонари по-шахтер-

ски укреп-лены на лбу, на особых резиновых шапочках с выступами. Фонари не выходят за пределы прозрачных пластмассовых шлемов и остаются на лбу, когда шлем отвинчивается от манишки, наглухо соединенной с рубашкой. Питание фонарей обеспечивают только что изобретенные атомные батареи, величиной с портсигар, заключенные в особом футляре, поглощающем гамма-лучи и альфа-частицы. Кнопки управления находятся под обшлагами рубашки и доступны пальцам в любом положении.

Для защиты от холода подземных вод в скафандрах использован лучший теплоизолятор — воздух; здесь очень пригодился опыт, накопленный водолазами при обследовании затопленных шахт. Компас и часы в водонепроницаемых чехлах, универсальный нож и молоток-топорик из нержавеющей стали, набор скальных крючьев и карабинов с надежными защелками для прикрепления сигнальной или страховочной веревок удачно размещены в широком поясе, похожем на пояс пожарников. Этот же пояс с двумя карабинами используется во время спуска вместо неудобной, стесняющей дыхание грудной обвязки, которой обычно пользуются альпинисты. С таким снаряжением можно сделать то, что

не удавалось другим!

Дойдя до подземной речки, Снежков привинчивает шлем и открывает клапаны кислородной и поглощающей углекислоту установок, размещенных на спине, как ранец; тяжелые баллоны помогают преодолевать плавучесть, возникающую при погружении в воду. Впрочем, когда костюм раздувается воздухом, необходим дополнительный груз в виде округлых камней, встречающихся и пещерах повсюду. Камни укладываются в закрывающиеся на клапан карманы, расположенные на ногах выше щиколоток. Брать с собой свинцовые подметки накладно: спелеолог бывает в воде минуты, а на суше — долгие часы.

Неловко перегнувшись в пояснице, Костя кланяется Боре и затем, как можно галантнее, — Лене. Та отвечает таким заразительным смехом, что он едва сдерживается: смеяться нельзя — запотеет шлем. Повернувшись кругом, Костя ныряет в Верхнее озерко и, чтобы скорее найти сифон, включает фонарь. Озерко принимает вид вместилища жидкого металла. Стены подземелья словно раздвигаются, и потолок перестает нависать смутно ощутимой громадой. У Лены вырывается вздох восхищения; она спешит обменяться с Борей понимающим взглядом.

Сифон разыскан. Снежков втискивается в узкую щель. Постепенно исчезают из виду голова, плечи, туловище, ноги. Это похоже на заглатывание живого человека каким-то фантастическим драконом. И вот человек исчез! Воды озерка темнеют, волны прекращают пляску. Теперь лишь сигнальная веревка может подать весть об ушедшем.

Лена и Боря остаются одни. Девушка достает книгу, но читать не хочется. Хорошо сидеть и просто так, прислушиваясь к разговорчивой речке и наблюдая за неразговорчивым другом.

«Почему он всегда молчит, когда остается со мной? — думает девушка. — Вот и сейчас — даже не посмотрит...»

Лена прижимает руки к трепетно бьющемуся сердцу, но Боря не видит: он чутко прислушивается к движениям сигнальной веревки, пропуская ее сквозь полусжатую ладонь. При вынужденном возвращении Костя дернет один раз, при опасности — два. Проходят томительные пять... восемь... десять минут. Ладонь ощущает сильные рывки.

Их два!

В санатории «Маяк»

На темном вулканическом утесе высится замок. Светлый, нарядный, он похож на подбоченившегося бравого молодца, выскочившего на видное место и весело поглядывающего на мир. Буйная вечнозеленая растительность огромного парка окружила его со всех сторон, забралась даже на стены: светлая мозаика листьев плюща сменяется по углам темно-зеленой листвой и красными трубчатыми цветами текомы.

За утесом разлилось необъятное море. Только ритмичная зыбь, солнечная дорожка да немногочисленные скалы-островки разнообразят его зеркальную гладь. Камни на пляже кажутся покрытыми черным лаком, их хорошо оттеняет кружево пены, вздымающейся на гребнях прибоя. Чайки стремительно рассекают воздух, а водную поверхность нет-нет да и прорежут черные плавники дельфина или серебристое тело кефали, виртуозно прыгающей кверху. Все дышит привольем и радостью.

У окна одной из палат сидит человек. Поседевшие волосы никак не вяжутся с молодым еще взглядом, и только сетка морщин предательски

выдает его возраст. Одет он в просторную пижаму, на ногах — войлочные туфли.

Больной любуется видом недолго: какая-то беспокойная мысль отрывает его от созерцания природных красот. Владимир Васильевич снова думает о «следопытах», которых только вчера проводил в подземное путешествие.

«Они увидят то, что, к сожалению, не видел я, не видел никто».

Последнее наполняет старого учителя чувством гордости: именно его ученикам суждено стать разведчиками сокровенных недр в Красных пещерах. Еще вчера они сидели вот здесь, и он давал им свои наказы.

«Не слишком ли я надоедаю советами? Ведь самые разительные случаи из жизни других часто не так убедительны, как простенькие, но из собственной... Да, на ошибках мы учимся. Такое знание более прочно. Это уже не песок из крупиц чужих мнений, а монолит выстраданных тобою взглядов, фундамент всей твоей жизни... Теперь ты выступаешь в роли «наставника молодежи». Но вспомни, как сам отвергал наставления старших и старался все делать по-своему. Таков закон жизни, как он ни горек уходящим в отставку: на ниве старого новое всегда зеленеет по-новому».

Неожиданно размышления Колесниченко прерываются. Дверь распахивается, и в комнату входят двое. Один из них — низенький, кругленький, с сияющей физиономией и добродушной улыбкой. Одет он щегольски: в шелковую рубашку и брюки из какого-то шелковистого материала, на ногах туфли с острыми носками, на голове — модная шляпа. Темные, овальные, как маслины, глаза, смуглый цвет кожи, черные волосы и резко выступающий нос выдают его южное происхождение. Второй — полная противоположность первому: высокий блондин, худой, жилистый, с накрепко сжатыми губами и непроницаемыми глазами человека, умеющего скрывать свои мысли. Одет он более чем скромно. Слова цедит редко, с остановками, и каждое слово — весомо:

— Проснулись? Здравствуйте еще раз!

— Здравствуй, здравствуй, джан, — затараторил первый, словно боясь, что ему не дадут высказаться. — Снова сидишь в палата? Ай, как нехорошо! За тобой пришли, гулять нада, дышать нада. Правда, Петров?

— Ваган! Нельзя же так болтать, без остановки. Лучше бы помолчал.

— Не могу молчать, не могу. У нас в Армении все шумит: воздух шумит, вода шумит, лес шумит,

человек шумит, — такой мы народ. Разве плохо?

— Эх! Тебя не переговоришь... Так как, Владимир Васильевич? Присоединяетесь? Ноги болят? Жаль. Ну, не будем мешать... Идем, Ваган, «гулять нада, дышать нада»! — передразнивает Петров и выталкивает за дверь сопротивляющегося друга. Колесниченко улыбается.

«Напишу-ка ребятам письмо в Краснопещерскую, как мы условились. Ведь сегодня только разведка, настоящий штурм подземелий начнется через день. Письмо успеет».

Колесниченко медленно переходит комнату, подсаживается к столу и покрывает листок бумаги стройными, несколько косыми рядками слов:

«Дорогие ребята!

Вчера врач мне сказал: “Вы не должны волноваться. Забудьте на эти два месяца все, что связывало вас со школой, со всей прежней жизнью. Вам нужно переключить свои нервные центры на что-то новое, отдохнуть по-настоящему, капитально. В этом — залог успеха”.

Но как можно забыть свою школу, своих питомцев! Я все время вспоминаю о вас. И, нечего скрывать, горжусь вами, так как считаю этот подземный поход подлинным аттестатом туристской зрелости. Я радуюсь, что жажда

знаний, любовь к приключениям и воля к победе ведут вас по правильному пути, что мои воспитанники не стали книгоедами, бумажными людьми, которых вполне устраивает тесный мирок, заключенный в переплет. Будьте такими и впредь — любя книгу, не создавайте из нее фетиша!

Боюсь одного: как бы ваша горячность не привела к печальным последствиям. Вот где пригодился бы ледок моей старости! Помните ли вы, что всякий туризм — это умелое сочетание смелости с осторожностью, причем первая не должна преобладать? Прочитали ли вы книги о крымской подземной фауне? В тайных лабораториях природы может встретиться всякое.

Когда-то, во время раскопок гробницы Тутанхамона в Египте, почти все исследователи найденных сокровищ умерли от неведомой болезни. Во многих газетах и журналах мира писали об этом под сенсационным заголовком «Месть фараона»... Позднее той же болезнью заболел один спелеолог, не имевший дела ни с одной мумией пирамид. Оказывается, в обоих случаях сыграл свою трагическую роль неведомый до того вирус «пещерной болезни», содержащийся в помете летучих мышей...

Не дает мне покоя и этот «Эн Бэ» с его загадочным планом. Я все больше склоняюсь к мысли, что зал «Осьминог» существует и путь к нему — через завал (может быть, искусственный) “Борисовской пещерки”. Но зачем этот человек стремился проникнуть любым путем в недра яйлы? Кто он такой?»

Тревожные минуты

Услышав сигнал тревоги, Боря скрывает волнение и, передавая веревку Лене, старается говорить спокойно:

— Становись на пост... Костя вызывает меня к себе... Если дерну один раз, значит, возвращаюсь, если два... Нет, два раза не будет! Жди.

Снова озерко будоражат расходившиеся волны и пронизывают потоки ярких лучей. Опять с затаенным страхом наблюдает Лена «заглатывание» дорогого ей человека пещерным сифоном. И вот девушка — впервые в своей жизни — остается совсем одна, в окружении холодного камня и молчаливой тьмы. Маленькая лампочка на потолке едва побеждает мрак.

Постепенно внимание ее сосредоточивается на сигнальной веревке.

«Почему она дергается? И все на одном месте... Вероятно, им очень трудно».

...Да, все оказалось сложнее, чем думали. В Симферопольском водохранилище было иначе: там можно было двигаться во все стороны, кроме дна, и сопротивляюсь только вода.

В сифоне же сразу началась схватка с двумя стихиями — зыбкой и твердой. И, право, трудно сказать, какая из них коварней!

Выступы твердого известняка торчат в сифонах повсюду. Они цепляются на каждом шагу, давят на спину, на грудь. А тут еще вмешивается вода — засасывает куда-то вверх и тормозит, ослабляет движения. Хуже того, леденит тело, когда каким-либо выступом из скафандра выжат спасительный воздух. Два извечных врага — вода и камень, забыв старые распри, объединяются в трубах сифонов, чтобы не пропустить вторгшегося к ним человека.

Строго рассчитывая движения, Боря упрямо ползет и плывет в то узкое место, где безнадежно застрял Снежков: баллон с кислородом зацепился за верхние выкупы, да так неудачно, что Костя не может двинуться и взад, ни вперед.

Боря немедленно достает молоток. Несколько сильных ударов — и задний выступ отбит. Костя

получает возможность двигаться. Переднюю преграду долбят уже вдвоем.

Друзья увлеклись работой и не заметили, что сигнальная веревка попала в узкую, зазубренную по краям щель. От непрерывного дерганья она вся измочалилась и держится на пучке волокон...

Наконец, Боря ловким движением вгоняет крюк в образовавшуюся трещину. Еще два удара — и путь открыт! Остается пролезть под низко нависшим сводом, чтобы всплыть в воде нового крупного озера, начинающего этот сифон. Подплыв к берегу, туристы снимают шлемы и спешат осмотреть подземелье. Их сердца наполняет гордость — вот она, Страна Неизвестного, где им прокладывать первые следы!

Снежков, теряя обычную сдержанность, торопится дальше, но Коваленко напоминает ему:

— Это же только разведка... Надо предупредить Лену...

Рывок! Перетертая веревка рвется, и Боря падает на руки Косте. Сначала оба смеются, потом Коваленко мрачнеет:

— Погоди... Лена начнет выбирать сигнал и... Мне нужно спешить!

Боря вернулся вовремя: видя, что веревка оборвана, Лена надела скафандр и собиралась

привинчивать шлем. Увидев Борю, она заявляет:

— Дежурить я больше не буду, пойду туда же, куда и вы. Помоги мне собрать вещи... Незачем делать разведки, мы сейчас же пойдем вперед. В этих рюкзаках все приготовлено к большому походу.

Путешествовать стало еще труднее: ко всем неудобствам, на которые щедры сифоны, прибавились резиновые рюкзаки. Они, как нарочно, цепляются за каждый выступ и упруго тянут назад. Увлеченная борьбой с непослушным мешком, Лена нечаянно нажимает клапан и выпускает из скафандра воздух. Ледяной холод подземных вод тотчас же сковывает ее движения. На восстановление тепловой изоляции уходит немало времени.

Внезапно из-за подводной скалы вырывается ослепительный свет: это заждавшийся Костя спешит им навстречу. Его манжеты и ободки калош окутаны браслетами серебристых пузырьков воздуха, избыточного при данном давлении воды. Лена освобождается от «несносного мешка» и теперь продвигается ловко и быстро. Вынырнув по ту сторону каверзного сифона, она спешит на берег, снимает шлем и достает из-под манишки фотоаппарат. Ей удается уловить момент, когда

друзья выползают на сушу, волоча за собой мешки. Девушка щелкает затвором и восхищается:

— Вот это снимок! Вы были похожи на вымерших земноводных далекой геологической эпохи, за которыми гонятся еще более страшные «чудища» — ваши мешки! Ну что бы вы тут делали без меня?

И правда, втроем все идет веселее. Сборы в далекий, неизвестно где кончающийся путь занимают десяток минут. Вместо того чтобы забросить мешки еще на какую-то промежуточную базу и вернуться в Краснопещерскую, друзья решают идти с тем, что есть, до конца.

— Зажигать фонари будем по очереди. Начинай, Лена, — командует Костя.

Лена направляет луч своего фонаря вверх по реке. Возникает длинный, понемногу сужающийся коридор, в своем окончании круто поворачивающий вправо. Чтобы легче было брести по речке с ее неровным и скользким дном, друзья берутся за руки и смело шагают вперед. Их маленькие фигурки становятся все меньше и меньше, четко рисуясь на освещенном фоне, — трое, идущие плечом к плечу.

А что на свете может быть лучше, чем друзья, идущие рядом!

В стране неизвестного

Их путь кажется бесконечным. Уже который раз ныряют они в предательские сифоны, карабкаются по уступам больших водопадов, обходят щели, доступные для воды, но не проходимые для человека. Еще чаще попадаются ложные тупики, в которых сужение хода перекрыто стенкой натеков. В таких случаях возникают длительные задержки: осторожно и в небольших дозах применяется взрывчатка, пускаются в ход саперная лопатка или молоток-топорик, ставятся опознавательные знаки «КБЛ» — по начальным буквам имен. Пройдено два километра, но по трудности они не сравнимы с обычными двадцатью.

Друзья устали. Однако после небольших передышек они устремляются снова вперед. «Там, где в туризме устают и сильные, продолжают путь ловкие и хорошо тренированные люди. Сноровка и тренировка — альфа и омега туризма». Эти слова Владимира Васильевича часто приходят на ум, убеждая, насколько он прав. Пригодился и богатый запас снаряжения, особенно капроновая лестница с дюралевыми перекладинками. Очень выручают скафандры.

— Представляете, сколько холодных душей приняли бы мы без них! — хохочет Боря, с размаху ступивший в воды идеально прозрачного, а потому совершенно невидимого озерка. — Нет, Хозяюшка Красных пещер, нас ничем не возьмешь!

Но природа испробовала далеко не все: главный туннель приводит к замысловатой ловушке — шарообразному залу, дно которого, в форме чаши, залито водой. Речка льется сюда из круглой дыры, как раз посреди купольного свода, необычным «трубчатым» водопадом. Обходных путей ни одного. Значит, надо подниматься без всякой опоры, да еще навстречу потоку, под которым вода в озерке кипит, как в котле!

Решение приходит не сразу.

— Братцы! — говорит Боря. — Я взял складное удилище, — думал рыбку половить в подземных озерах... Используем его как подъемный кран.

Тотчас к верхней перекладине лестницы прикрепляется якорек-«кошка» с тремя загнутыми крючьями, а перекладина — к раздвижному удилищу. Надев шлемы, все трое сооружают под водопадом помост из камней, прямо против верхнего «люка». Но протолкнуть лесенку с «кошкой» не удается: вода гнет гибкое удилище, а струи,

заливающие шлем, мешают смотреть. Впервые приходит уныние. Неужели возвращаться по той же дороге?

Когда Лена и Костя окончательно опускают руки, Борю охватывает особая — спокойная и сосредоточенная — злость. Чем выше ее накал, тем зорче смотрят глаза, лучше соображает голова и точнее работают руки. Огромная внутренняя собранность побеждает инерцию природных сил — якорек зацепился! Коваленко тут же повисает на лестнице, придавливая ее всей своей тяжестью. Глаза сквозь шлем выразительно говорят: «Быстрее! Не зевать».

Костя и Лена с трудом поднимаются вверх против сталкивающих струй водопада, затем вытаскивают на веревках мешки. Последним в отверстии показывается Боря. Его лицо сияет радостью.

Потолочную дыру тут же прозвали «Люком Коваленко»!

Второе серьезное препятствие поджидает туристов на пятом километре пути: это подлинный тупик, где воды главного русла просачиваются непроходимыми трещинами в толще скалы. Обходный путь еще сложнее: он приводит к зияющей пропасти, которая не оставляет никаких

проходов по сторонам. Спуск в нее обескураживает даже Борю: двадцатиметровый канат, привязанный к тридцатиметровой лесенке, далеко не достает дна. И все же, воодушевленные предыдущей победой, друзья решают не отступать.

— А что если перебросить нашу лесенку через пропасть вон на тот выступ? Ведь здесь не более четырех метров, — предлагает Снежков.

— Нет, Костя, не на выступ, а за него. Тогда тот конец лестницы мы сможем перетянуть веревкой обратно и сделать двойной подвесной мост.

— Боря прав, но как забросить лесенку? — размышляет Лена. — Удилище имеет в длину максимум три метра... Ага, добавим дюралевый треножник моего фотоаппарата.

Осторожно перебравшись первым через жуткую пропасть, Костя выпрямляется и изрекает:

— Ум — хорошо, а три лучше. Назовем переправу «Победа трех»!

За провалом снова пошли туннели и лазы, крутые подъемы и еще более трудные спуски. Лабиринт подземной реки все еще не укладывается в воображении, километры продолжают казаться чересчур длинными, а время очень стремительным. Если бы не часы, компас да часто

применяемая рулетка, можно было бы потерять всякое представление о времени, направлениях и расстояниях. Угловатые петли подземного русла в плане часто накладываются одна на другую. Боря вынужден сдвигать их набок, связывая места разрывов пунктиром. И все же получается такая картина, что художник всерьез побаивается, как бы не заблудиться в собственном чертеже.

Молодые исследователи стараются быть точными: азимуты определяются не компасом, а буссолью, размеры отдельных залов и коридоров-туннелей измеряют не только в длину, но и в ширину. Высоту они отмечают с помощью тридцатиметрового шпагата, меченного узелками и поднимаемого вверх водородным шариком. Литий для добывания водорода и водород находятся в «бездонном мешке» у Бори вместе с десятками других очень нужных, но довольно тяжелых вещей. И, конечно, несмотря на выдающуюся силу, он не смог бы нести такой груз весь путь, если бы не Лена. Ловко орудуя иглой, она зашивает снизу свой запасной свитер, а к крепко зашитым углам его прикрепляет пару стальных карабинов. Получается мягкий и емкий рюкзак, лямками которого служат... рукава с пришитыми к ним карабинами. Когда путь идет посуху, Лена берет в

свой «свитер-рюкзак» почти половину Бориного груза и стойко несет его, не жалуясь на усталость. В свою очередь Боря не раз переносит оба резиновых мешка, если, например, Костя занят у водопада наведением очередной переправы. Все трудности потому и преодолеваются, что они не могут противостоять дружбе. Неизвестность вынуждена сдавать свои позиции одну за другой.

То и дело туристы сталкиваются с неизведанным.

— Ребята! Смотрите, мутное озеро... Уж не умывался ли кто с мылом?

— Нет, Лена, это не мыло, — смеется Снежков. — Это пленка из тончайших кристаллов кальцита, своего рода «плавающий сталактит».

— Костя, — доносится голос издалека. — Записывай: «Третий верхний приток». Видишь, снова течет с потолка.

— Это что! У меня, брат, «Нижний приток»: вода бьет снизу и прямо в русло клокочущим фонтаном...

Снова, в который раз, фотоаппарат Лены, авторучка Кости и карандаш Бори спешат увековечить находки. Радость познания — самое возвышенное из всех человеческих чувств — движет их сердцами, волнует умы.

Лабиринт уже не пугает. Наоборот, с каким-то сожалением они начинают подумывать о том, что скоро конец. Ведь с каждым метром подъема все ближе плато Долгоруковской яйлы с ее озерком Провалье. Заблудиться никак нельзя: в их распоряжении такая путеводная нить, какую еще не догадалась дать путникам ни одна Ариадна, — подземная речка.

Костя едва успевает записывать все чудеса окружающего мира: фантастические нагромождения крупных обломков, часто имеющих форму каких-то животных, сталагмиты в виде скульптур или башен, наплывы вроде грибов или шлемов, сталактиты-сосульки и выступы-соски, свешивающиеся с потолка, ветвистые и шаровые образования — «кораллы», своеобразные натеки, выпирающие с округлых боков туннелей и похожие на бока тощей коровы.

От записей его отрывает Лена:

— Ребята, идите сюда. Тут большая ванна и коллекция чашечек, одна лучше другой... Смотрите, как они идут террасками во все стороны от подножья этого сталагмита. Постойте, где я видела что-то похожее? Ах, да! На картинке, изображающей конусы гейзеров.

— И не удивительно, — отзывается Костя, — и

там и тут они созданы той же водой, насыщенной двууглекислой известью. Когда такая вода попадает в пустоты или на поверхность земли, где мало углекислого газа, двууглекислая известь распадается с выделением этого газа, а оставшаяся углекислая известь, плохо растворимая в воде, выпадает в виде осадка. Ясно?

Наиболее поразительны и по контрасту и по красоте удивительно тихие и прозрачные озера, расположенные буквально рядом с журчащими или грохочущими водопадами. Одно из них — белесоватое и овальное, как человеческий глаз, с темным зрачком-островком посредине — понравилось больше всего.

— Стоп, бродяги! Сделаем обеденный привал. Боря, расстилай скатерку! Лена, выкладывай еду. Впечатлениями мы сыты по горло, пора насытить и желудки.

Бутерброды, приготовленные Леной, вызывают смех: слои масла и пастилы много толще, чем сам хлебный ломоть (хлеб под землей в большом дефиците). «Сухой паек» запивается кружкой горячего шоколада, приготовленного на брикетах сухого горючего. Такого бездымного топлива — на всякий случай — девушка запасла много.

Костя убеждается еще раз, что их спутница — не

только хороший фотограф и прекрасный завхоз, но и опытный повар. А главное, человек, который умеет создавать удобства в самой, казалось бы, неуютной обстановке. Все так и спорится в ее руках!

Покончив с обедом, друзья берутся за другое важное дело: давать названия встретившимся на пути объектам. После недолгих, но бурных споров на плане Бори и в тетради Кости появляются интригующие слова: «Лаз следопытов», «Мыльное озеро», «Трубчатый водопад», «Тройной сифон», «Гейзерный конус». Водоем, у которого сделан привал, по предложению Бори получает название «Подземное око».

Так как спать еще никому не хочется, проходит предложение Лены устроить коллективную читку книги «Десять лет под землей».

«Три бесценные свойства Кастере делают его работу такой успешной и ценной, — читает Лена отзыв ученого Эдуарда-Альфреда Мартеля. — Во-первых, смелость (подчас чрезмерная), с которой он преодолевает препятствия, останавливавшие его предшественников... Во-вторых, строгая последовательность и методичность в планировании работы и в выполнении начатого дела... В третьих, суровая самодисциплина, помогающая

ему учиться и опираться на тех, кто может учить. Большая радость помогать человеку, одаренному такими качествами».

Богатства горного Крыма

На очередном привале Костя рассказал друзьям о богатствах горного Крыма.

— Наш Крым — настоящая копилка природных богатств. Мнение о его геологической и иной бедности кануло в Лету. Не буду останавливаться на керченских и сивашских месторождениях железных руд, на Сиваше, про который еще академик Ферсман сказал: «Это такая солеварня, какой в мире нет!» — или на некоторых нефтяных скважинах, действующих сейчас в степном Крыму. Отмечу лишь горную часть полуострова.

Здесь добывается в последние годы почти четверть цементного сырья по всей Украине и свыше трети строительного камня всех видов (от рыхлого ракушечника, режущегося пилой, до крепчайшего диорита). Запасы этого камня практически неисчерпаемы. Бешуйские угли теперь используются в химической промышленности, а крымские глины дают огнеупоры, кирпич, черепицу, гончарную посуду и краски. Песчаники,

мел, песок и галька находят самое разнообразное применение.

Очень ценны и те мраморовидные известняки, в окружении которых мы путешествуем. Это не только великолепные флюсы для очистки руды, сырье для производства прекрасной извести, но также хороший бутовый и облицовочный камень, материал для распределительных щитов электростанций и многого другого. Рисунок крымского мрамора изящен и прихотлив из-за остатков заключающихся в нем кораллов. Отшлифованная поверхность его отличается сочетанием теплых серо-желтоватых тонов с ярко-красными, пламенеющими, или красно-коричневыми, угасающими. Последние, например, можно видеть в вестибюлях станций московского метро «Красные ворота» и «Комсомольская».

Но, друзья, в настоящее время меня увлекают не столько твердые минералы, хотя бы и редчайшие, сколько один жидкий, всю ценность которого многие и не представляют...

— Что же это?

— Вода.

— Ну уж, вода...

— Именно вода! Ведь без нее немыслим весь мир живых организмов: их тело преимуществен-

но состоит из воды, только с ней возможно у них главное таинство — обмен веществ. С водой же связано все разнообразие растительного и животного миров и основные запасы атомного горючего нашей планеты. И в этом отношении ей могут позавидовать не только Луна, но и Марс. Я уже не говорю о Венере с ее атмосферой, полной ядовитых веществ и бедной водяными парами. Вода — вот главное богатство Земли!

Подумайте — это единственный минерал, который встречается нам в повседневной жизни во всех своих фазах: твердой, жидкой и газообразной. В виде льда он сковывает Антарктиду, Гренландию — всю эту «кухню погоды». В жидком виде, как великолепный растворитель, вода переносит, откладывает и как бы создает наново многие минералы во всем разнообразии их кристаллических форм, более того, она входит в состав минералов важной составной частью и как катализатор ускоряет химические реакции. Обладая большой теплоемкостью, вода, покрывающая семьдесят пять процентов земной поверхности, запасает нам солнечную энергию и переносит космическое тепло от экватора к полюсам потоками мощных течений.

Вода же в виде паров пронизывает всю атмосфе-

ру, и служит тем одеялом, которое предохраняет Землю от быстрых потерь теплоты излучением в мировое пространство; зимой, кроме того, она утепляет почву снегом, а реки и северяне моря — льдом. Она же пронизывает всю верхнюю кору нашей планеты, поднимаясь из недоступных глубин. Вода вездесуща — она и внутри и вне нас. Вот что такое во-да!

— Костя! Да ты просто гимн сочинил самой обыкновенной воде. Вот уж не думала, что на Земле у нас с водой так хорошо!

— Нет, Лена, далеко не все хорошо: в одном месте ее чересчур много, а в другом явно не хватает. И незачем ссылаться на Сахару и Гоби. Крым, буквально плавающий на воде, задыхается от ее недостатка. И если проблема орошения крымских степей в основном решена — с севера пришел Днепр, а с юга — Салгир, — то Южный берег все еще испытывает острую нужду. Строительство крупных водохранилищ и даже грандиозного туннеля, перебрасывающего воду с северного склона главной гряды на южный, решает проблему частично.

Напрашивается вывод: не довольно ли учитывать одни лишь поверхностные воды? Не пора ли добраться до тех геологических недр, где

по-настоящему рождаются реки? Мы должны научиться использовать эти воды и управлять течениями подземных рек. Здесь тоже нечего ждать «милостей от природы»!

Приведу вам такой пример. В 1927 году после сильного девятибалльного землетрясения в Крыму поток самого мощного источника главной гряды, дающего начало Салгиру, внезапно ушел куда-то, и тысячи симферопольцев остались без воды. Хорошо, что образовавшаяся трещина была обнаружена недалеко от начала водопровода. А что если бы эта утечка возникла в центре плато Чатырдага? Неужели осталось бы только смириться и беспомощно опустить руки? Как мы миримся пока с несправедливым выпадением осадков!

— Почему же никто не ищет этот поток? — почти одновременно воскликнули Боря и Лена.

— Наоборот, ищут, но не так-то просто найти! Попытка проникнуть к подземному руслу через грандиозную пасть Бездонного колодца не оправдала надежд: не хватило стального троса, мешал камнепад... Наконец, в 1959 году спуск еще двух спелеологов на нейлоновых тросиках позволил не только преодолеть стометровый отвесный колодец и почти такой же наклонный туннель,

но дойти до огромных залов, заканчивающихся заиленными тупиками. Пока еще нет уверенности, что расчистка какого-то хода приблизит к желаемой цели.

— А есть в Крыму наземные пресные озера? — поинтересовалась Лена.

— Нет, за исключением трех болотцев и искусственных водоемов. Но я уверен, в подземельях гор скрываются идеальные водохранилища с чистой и всегда прохладной водой, не засоренные ничем, как это бывает с наземными. Отсюда, особенно во время засух, можно было бы брать дополнительно тысячи кубометров воды; этот расход в зимний период пополнится быстро. Но, кроме Кизил-кобы, в Крыму никто не видел подземных потоков, да и здесь еще не нашли больших водоемов. А они есть, они должны быть непременно!

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Потому что во время ливней кизил-кобинские родники редко и ненадолго мутнеют (так говорил Владимир Васильевич). Следовательно, в недрах яйлы они имеют огромный отстойник-водохранилище. Найти его — лучшее, что мы можем сделать в своей экспедиции. Такой подарок Крыму неоценим! Вы представляете?

Крытый водоем, на сооружение которого не нужно тратить миллионы рублей...

— Послушайте, троглодиты, — вскакивает Лена, посмотрев на часы. — Не будем отказываться от наземных привычек: скоро полночь, пора и поспать до вос... Фу ты, никак не привыкну к этой бессолнечной жизни! Если бы вы знали, как мне хочется глянуть на зеленую травку!..

Первая подземная ночевка на надутых скафандрах проходит великолепно — спать и тепло и мягко. «Утром» отдохнувшие батареи дают более ровный и сильный свет. Проверив фонари и снаряжение, Костя укладывает вещи, Лена готовит завтрак, а Боря подсчитывает пройденный путь:

— Ого, позади уже пять километров! Это же рекордная цифра по Советскому Союзу... Лена, что ты там смастерила? Пельмени? Цэ дило трэба розжуваты. Костя, бросай все, я за себя не ручаюсь...

После завтрака — снова в поход.

— Итак, в бой с чудищем тьмы! — восклицает Костя.

— Наш меч, — продолжает его мысль Лена, — вот этот сверкающий луч!

— Наш щит, — заключает Боря, — дружба!

Зал исландского шпата

— Боря, где ты пропадал?

— Да так просто...

— Я видела, он лазил в эту дыру.

— Зачем?

— Да видишь ли... говорить или не говорить?

— Говорить! — одновременно заявляют Костя и Лена.

— Так вот... полез я, значит, туда. Ну, труба как труба — узкая, грязная. Все как полагается. Добрался до одной симпатичной комнатки, хоть ордер выписывай! Тут тебе «кресла», там «диван», на потолке «люстра», а под ней «стол», застеленный «скатертью»... Честное слово! Смотрю, а посредине торчит сталагмит — один-одинешенек. Я и подумал: совсем как зал «Осьминог». Начинаю считать ходы, а их восемь...

— Ура-а-а!

— Подождите, послушайте до конца...

— Молчим, молчим.

— Так вот... Начинаю обходить сталагмит. Вижу: лежит на полу желвак... Увесистый, еле поднял. Положил его, значит, «на стол» и почистил от грязи. А он весь желтый, словно из раковинок...

— Желтый?

— Как желток... Вот я и решил посмотреть, что там внутри? Поднял над головой да как ахну. Желвак — на две половинки. А в середине-то, братцы, такая красота! Вот посмотрите.

— Боря, дружище! Да знаешь ли ты, что принес?

— Я думал, будешь ругаться, зачем, мол, разбил?

— Так это же кристаллы совершенно прозрачного и притом почти не трещиноватого исландского шпата! Наибольшие залежи его находятся в Исландии и у нас в СССР, например в Крыму — на горе Кастель, близ Алушты, на мысе Алчак, у Судака и в других местах. Он очень редок, ценится на вес золота. Но приходится перерабатывать тонны породы, покрытой желтой коркой выветривания, пока удается найти хоть один вот такой кристалл.

— А чем же он ценен?

— Способностью поляризовать солнечный свет: колебательные движения происходят тогда не беспорядочно, по всем направлениям, перпендикулярным лучу, а только в одной определенной плоскости. Помните, еще в школе нам объясняли устройство поляризационного микроскопа?

— Что-то не помню, — признается Боря.

— Это микроскоп для исследования структуры кристаллических веществ в тонких шлифах, рассматриваемых в поляризованном свете. От обычного он отличается тем, что в нем имеются поляризатор и анализатор из склеенных канадским бальзамом призм (николей) исландского шпата, где происходит двойное преломление лучей. Применяется такой микроскоп не только для изучения минералов и горных пород, но и для исследования технических продуктов — шлаков, огнеупоров, цементов...

— Здорово!

— И это еще не все. Специальные поляриметры с призмами Николя применяются для моментального определения концентрации сахара в растворе, при тонких медицинских анализах и в военном деле.

— А в чем же проявляется двойное преломление? — заинтересовалась Лена.

— Проще всего показать это... Берем разлинованную бумагу. Вот так... Кладем кристалл на линию. Теперь смотрите. Я начинаю вращать кристалл по часовой стрелке.

— Линия раздваивается! Ого, еще больше... Снова сужается... Опять одна!

— Это потому, что я повернул кристалл на сто восемьдесят градусов. При дальнейшем вращении все повторяется. Так что поздравляю тебя, Боря! Если это даже не зал «Осьминог», то клад ты нашел несомненно... А ну пошли, друзья, посмотрим на месте.

Первым к круглому отверстию хода, расположенного почти под потолком, поднимается Боря, используя малейшие неровности скользкой стены. Надежно закрепив капроновую лестницу, он сбрасывает ее вниз. Несколько минут — и все уже в узком, грязном туннеле, который после продолжительного ползания приводит туристов в довольно просторный зал.

— Ой, ребята! Смотрите: действительно, и стол, и скатерть, и люстра... — восторгается Лена.

— М-да... Федот, да не тот... — бормочет Костя. — Посмотрим-ка план «Осьминога»... Хотя это только набросок по памяти...

— Можешь не сомневаться, — обижается Боря, — у меня глазомер что надо!

— Видишь? На плане зала все восемь ходов ответвляются с одной стороны, а здесь — с двух сторон. Да и восьмой ход больно похож на нишу. Так оно и есть.

— Ну и ладно, — отзывается сконфуженный

Боря, ему больше всех хотелось найти этот проклятый зал. — А все-таки...

— Если ты еще не нашел «Осьминога», зато открыл «Зал исландского шпата». Так и запишем в схеме и в дневнике. Где же желвак? Ага, вот его половинки... Чудесно, чудесно! Друза музейного типа... Смотрите, как хорошо выражено ее радиально-лучистое строение! Причем ближе к поверхности кристаллы мелкие и мутные, но в середине настоящий исландский шпат... А ну-ка возьмем половину. Сдадим в Музей землеведения.

— Откуда взялась эта друза?

— Давай, Лена, подумаем... Ну да, так и есть. Видишь, наверху выступают еще две группы кристаллов, а между ними глубокая ямка? Друза свалилась оттуда. Вода, которая растила кристаллы, позаботилась и об их освобождении... А вот и еще выступы. Да здесь просто лаборатория по изготовлению исландского шпата! Замаркируй ее, Боря, получше. Кто-кто, но я приду непременно...

— За шпатом?

— Нет, меня увлекает другое. Я попытаюсь открыть тайну образования таких совершенных кристаллов. Подумайте сами: вместо того чтобы искать этот редчайший шпат, не проще бы

изготовлять его искусственно? Как мы растим уже кристаллы алмазов, рубинов и других драгоценных камней... Это был бы мощный толчок к развитию оптической, да и другой точной промышленности!

Продолжая движение по той же реке, путешественники наталкиваются на, казалось бы, непреодолимое препятствие: кроме узеньких щелей-сифонов, нет никаких обходных путей.

— Раз есть щели, значит есть что расширить, — помолчав, говорит Костя.

— Но как? Взрывчатка у нас в такой упаковке, что в воду не сунешь.

— Окунем патрон в растопленный стеарин. Ведь у нас же есть свечи... Кажется, целая пачка.

— А ведь верно! Костя, доставай! Они в твоем мешке; Лена, давай котелок!

На втором десятке минут Боря заканчивает работу.

— Сейчас будет взрыв. Бежим в этот грот: там кровля надежная.

— А если завалит выход? — беспокоится Лена.

— В гроте есть запасной лаз... Все предус...

Фразу обрывает мощный, но глухой и раскатистый взрыв.

Наступает напряженная тишина...

Дружба требует жертв

Владимир Васильевич тревожится все больше и больше. Прожив жизнь в борьбе и труде, он жестоко страдает от вынужденного безделья, клянет плохо повинующиеся ноги и без конца думает:

«Почему нет никаких известий? Ведь мы же условились, что сразу по окончании разведки они напишут письмо или позвонят... Что с ними? Как бы узнать и помочь?»

Его состояние не ускользает от друзей по палате;

— Вас что-то беспокоит, Владимир Васильевич! — спрашивает Петров. — Признавайтесь!

— Ага, — поддерживает Ваган. — Мы ходим в кино, на пляж. А он какой хитрый, скажите, пожалуйста! Один да один сидит в палате. Ну нет, Ваган еще похитрей. Сегодня говорю: «Что-то наш сосед загрустил. Пойдем, джан, захватим его с наличным».

— Да не «с наличным», а с поличным... Эх, Ваган! Когда ты станешь говорить по-русски, как нужно?

— С такой учитель, как ты, Петров, разве станешь? Почему ты знаешь армянский язык?

Потому что я говорил с тобой дня и ночью... А у тебя слова нада клещами таскать!

— Ну, хватит, хватит... Учись вот у Владимира Васильевича... Сейчас он нам объяснит...

— Вы правы, друзья, — говорит растроганный Колесниченко. — Волнуюсь я неспроста: мои питомцы из кружка «Юные следопыты» штурмуют Красные пещеры Крыма в тех местах, где никто не бывал.

— И далеко ушли? — сразу же заинтересовался Петров.

— Думаю, километров на десять... По моим расчетам, они уже должны закончить поход; ведь у них прекрасное снаряжение. Но вестей никаких нет. Боюсь, как бы чего не случилось. Как жаль, что не удалось установить радиосвязь: даже короткие волны оказались не в силах пробить толщу известняков, насыщенных там солями железа.

— А что, если поможем? — предлагает Петров. — Ведь я геолог, по пещерам скитался уже не раз. Пойдешь, Ваган? Срок наших путевок истекает через три дня, но мы можем уехать досрочно.

— В пещера? Какой-такой пещера? Никогда не видал! Интересно? Тогда пойду... Трудно? Все равно пойду. С другом куда хочешь пойду. Дружба

требует жертв!

— Ну вот и отлично! — радуется, как ребенок, Владимир Васильевич. И, не удержавшись, подробно рассказывает об экспедиции своих учеников.

— Вай, как интересно! Лучше кино! — восклицает Ваган. — Скажите, пожалуйста, какой смелый народ! Как посмотреть хоть одним глазком? А? Петров, поедем сегодня ночью? Зачем откладывать? У нас так говорят...

Группа особого назначения

Ваган, с детства любящий все таинственное и романтичное, немедленно окрестил себя и Петрова «группой особого назначения». Владимир Васильевич рассказал им о знаках «Эн Бэ» и порекомендовал попытаться пройти через «Борисовскую пещерку», убрав завал. Он же снабдил неожиданных помощников довольно подробной картой окрестностей пещерки, вычерченной в свое время Борей.

Советы Колесниченко, карта, а также буква «Б», выцарапанная когда-то юным туристом на стволах и скалах, облегчили дело. В полдень следующего дня Петров и Ваган уже сидели в

глубокой впадине входа, наслаждаясь заслуженным отдыхом. И как вовремя! Небольшой ветер, так удачно подталкивавший в спину на трудном подъеме, сменился неистовой бурей. Затем разразился ливень. Все заволокло водной завесой, прорезаемой стрелами молний.

Зато в пещерке благодать: сухо, темно и почти тихо. И все же Ваган ворчит, поглядывая на выпачканную рубашку и туфли, носки которых теперь явно стремились задраться кверху.

— Это такой пещера? Скажите, пожалуйста! Что тут хорошего: сидишь, как крючок!

Но Петрову некогда слушать брюзжание друга: он занят осмотром пещерки. Световое пятно его электрического фонарика сначала задерживается на стенке, где сгустком крови алеет значок «Эн Бэ», потом медленно ползет по завалу. Сделав несколько плавных, зигзагообразных движений, узенький луч проскальзывает в щель между нижними глыбами, где неожиданно заблестел никелированный продолговатый предмет.

Петров гасит фонарик. Вместо него он зажигает свечи, извлеченные из просторных, закрывающихся на пуговицы карманов брюк. Затем приступает к работе, легко ворочая глыбы. Ваган, молча наблюдавший за странными действиями

товарища, тоже включается в работу. Блестевший на свету предмет оказывается металлической трубкой с двумя туго снимающимися крышками. В трубке лежит план подземных ходов, начерченный тушью на плотной бумаге.

От надписи «вход» и стрелки, указывающей на север, начинается главный, коленчатый коридор, пересекающий самого себя несколько раз. Развертываясь путаным узором и повышаясь, он идет в основном на северо-восток и заканчивается у жирной, извилистой линии, по-видимому, подземной реки. Вытекает она многочисленными ручейками из крупного водоема, данного на плане частично.

Самое значительное расширение хода, также нарисованное не полностью, имеет форму, похожую на кальмара: с шестью короткими и двумя более длинными «щупальцами». На «голове» кальмара темнеют пятна, словно два глаза (пятна меньших размеров, стрелки и знаки вопросов рассыпаны на плане повсюду). Недалеко от «глаз», у кружка с надписью «сталагмит», стоит крестик и знак «Эн Бэ»; такой же знак поставлен в начале главного коридора.

Петров, закурив папиросу, долго рассматривает план и заключает:

— Хорошо, что взяли рюкзаки, костюмы и свечи на туристской базе... Давай одеваться!

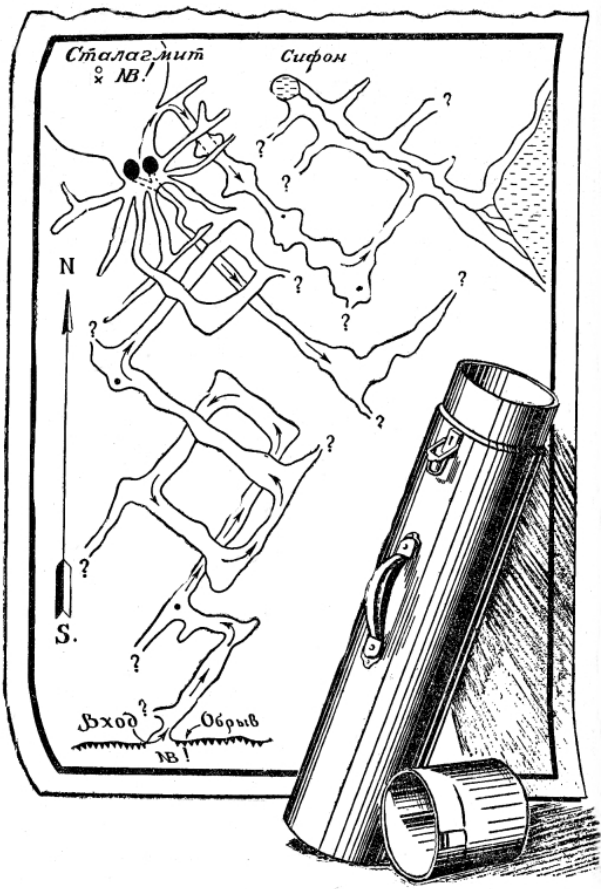
В пути, сверяясь то с планом, то с густо расставленными на стенках стрелками, Петров все чаще покидает своего неповоротливого друга, чтобы «пошарить в окрестностях». Чувствуется, что это не новичок в пещерах. Как настоящий спелеолог, он идет легко, пригнувшись, и не пропускает ничего интересного:

«Гм... похоже на кости пещерного медведя. Вот и отпечатки... Отметим на плане...»

В другом месте задержка еще продолжительней. Петров даже встает на колени — и замирает. Не посвященному в тайны подземного мира находка, вызвавшая такое волнение, вряд ли покажется значительной: в своей широкой ладони он держит шарики. Величиной они от горошины до лесного орешка, цветом — от охристо-желтых до молочно-белых и розовых. Это оолит, или пещерный жемчуг.

Водопад, создавший редчайшие перлы, уже пересох. И потому, что вращающиеся движения струй давно прекратились, жемчужины уже не имеют присущей им строго сферической формы: одни покрыты наростами, другие приросли к полу. И все-таки это жемчуг, драгоценный жем-

чуг земли, ценящийся значительно выше, чем обычный жемчуг морей.


Сталагмит
NB!
Сифон
N
S.
Вход
Обрыв
NB!

К тому времени, как Ваган добирается к месту находки, Петров уже спрятал лучшие экземпляры и опять на ногах:

— Быстрее... не отставай!

«Не отставай. Скажите, пожалуйста!.. Ой, будет шишка на лбу... Опять ползать? Эх, Ваган, Ваган! Зачем ты пошел с таким человеком? Как я тогда сказал? Дружба требует жертв?.. Черт бы ее побрал!»

Последнее, мысленное, восклицание относилось, конечно, не к дружбе, а к очередной колонне, о которую он стукнулся затылком...

— Вай-вай! Чего ты полез? Чтоб тебе провалиться в...

Фраза, обращенная к сталактиту, осталась незаконченной, так как провалился, к сожалению, сам Ваган. Хорошо, что яма неглубока, и неудачник выбирается из нее без посторонней помощи. Но его красный свитер окончательно принимает глинисто-желтый оттенок, а туфли совсем исчезают под слоем грязи. Вернувшийся из разведки Петров застает вконец разъяренного спутника, честящего разом все мерзкий «пещера» и тех, кто их «повыдумывал».

— Константин Александрович, делай, что хочешь, не пойду! Что я — летучий мышь или змея?

Я простой человек, техник-строитель. Ползать не могу, летать не могу. Зачем я тебе?

— Хорошо, Григорян, возвращайся. Но будь осторожен — замечай следы, смотри на стрелки… Я пойду сам… Не впервой… — сердится Петров.

Странные следы

Последствия подводного взрыва были ошеломляющими: речка исчезла, скрывшись в нижние горизонты, свод бывших сифонов рухнул всей массой, приоткрыв грот сказочной красоты. В его свежих изломах засверкали зеленые флюоресцирующие огоньки.

— Природа открывает нам зеленую улицу, — шутит Боря. — А ну-ка полный вперед!

Но в душе его таится невеселая мысль:

«А что если мы не первые? Ведь какой-то человек нырял в сифон и добрался до зала, похожего на осьминога… Может, мы заблудились? Почему этот зал не встречался нам до сих пор?»

И тут его осеняет:

«Попытка проникнуть в сифон, конечно, не удалась: ведь шланг водолазной маски был оборван. Да и выступы в сифоне не сбиты. Значит, «Эн Бэ» проник в лабиринт каким-то другим, вероятно

сухим, путем. Вот бы найти этот ход!»

Предположения Бориса, которыми он поделился с друзьями, подтвердились на шестнадцатом километре пути, после двадцатого по счету сифона: на высокой террасе, не затопляемой даже в половодье, показались следы. Так как в пещерах нет ни дождя, ни ветра, следы хорошо сохранились, и Коваленко сумел их «прочесть»:

— Шагал высокий, но не очень тяжелый... вероятно, худощавый человек. Он прихрамывает на левую ногу... Вышел этот человек из бокового хода. Вот и значок «Эн Бэ», а под ним — тюбик масляной краски.

— Боря, иди-ка сюда. «Эн Бэ» выходил на разведку не только вниз по реке — до сифона, но и вверх. Только...

— Туда, вверх, шаги сравнительно мелкие, спокойные... А обратно — крупные, да и размеры их разные... Каблук с силой вдавливался в глину. Человек бежал... Что его могло напугать?

Все трое тревожно всматриваются вдаль. Однако впереди не видно ничего движущегося, кроме торопливой реки; не слышно и подозрительных звуков.

— Просто, не выдержали нервы «Эн Бэ», — решает Снежков.

— Ух, как я испугалась!

— Напрасно. Он был один, а нас трое. Костя, пошли по следам. Не такый страшный черт, як його малюють!

Два фонаря гаснут, горит лишь один — у Бори. Четкая цепочка следов исключает поиски нужного направления, да и шел, видно, опытный человек. А вот обратно... Спотыкался... Даже упал.

Еще сотня метров, и впереди вырисовывается преграда. Она похожа на спину вымершего ящера, перегородившего необычайно высокий здесь туннель поперек. Вблизи — это монолитная стена с откосом, напоминающая плотину; высота ее метров двадцать! По трещинам в толще «плотины» сочится вода. И всюду между ленивыми струйками белеют какие-то нити, сплетающиеся в кружева.

— Да ведь это же гифы! Грибные гифы! — радостно восклицает Костя. — Очень примитивные, но все же растения. Первые на нашем пути...

Разведчики недр поднимают головы, Боря выключает свет: в темноте обостряется слух. Теперь вода не просто шумит, а звенит на все голоса.

«Вот так звучала она когда-то, когда нас не было. Так будет звучать и тогда, когда нас не бу-

дет, — настраивается на философский лад Костя. — Проходят годы... Капля льется за каплей, а в результате разрушается даже и камень. Горы и те не вечны... Они рождаются, стареют и погибают. Что же говорить про человека! Вечно одно лишь движение, не-прерывное становление форм... И верно ли мы поступаем, когда проводим резкую грань между живой и “неживой” природой?»

Приумолк и Боря. Он думает: «Какие приключения и находки ожидают нас за этой стеной?» У Лены на уме свое: пугающие и одновременно влекущие к себе опасности. Она подумывает, что нельзя больше спать беззаботно, как прошлой ночью. Нужно, чтобы на всякий случай горел «ночничок» на запасной батарее.

Когда Боря включает фонарь, он освещает изменившиеся лица. Как много можно иногда пережить за какие-то доли минут!

Отвратительные чудовища

Преграда преодолевается с молчаливой решимостью. Ее штурм завершается важным открытием: вот она, Костина мечта! На несколько сот метров в длину и до полусотни в ширину разлились перед ними воды неслыханного для

Крыма пресного озера, созданного природой. Густо голубеющий под светом оттенок воды говорит о значительной глубине, а детали прибрежного дна — о прозрачности. Сверхчёткие отражения скал и зеркальный отблеск поверхности водоема, на которой иногда вскипают подозрительные волны, поражают наших исследователей.

Первой очнулась Лена. Тонкое обоняние девушки улавливает запах гнили, а слух — какие-то шорохи. Боря смеется над ее страхами:

— Не чувствую! Вероятно, у меня насморк и в ушах заложило. — Но, взглянув на тревожное лицо подруги, решает осмотреться. Яркий свет его фонаря нащупывает на берегу рубчатый шар, в полметра диаметром. Он постепенно разворачивается. Сомневаться нельзя: перед ними подземное животное...

По устройству надвигающихся друг на друга колец и по размерам оно похоже на южноамериканского броненосца. Но броня его так прозрачна, что просвечивает кишечный канал, набитый чем-то черным... Страшилище, по-видимому, не имеет глаз и находит себе дорогу с помощью щупальцев. Множество ног, выглядывающих из-под панциря, с трудом несут неуклюжее тело...

Пятясь назад от кошмарного чудовища, Лена

спотыкается и вскрикивает. Но это — всего лишь ветка, торчащая в темном, почти черном, иле.

— Откуда она? — удивляется ей Костя, едва ли не больше, чем отползшему чудищу.

Заинтригованные, следопыты втроем освещают берег. Всюду валяются ветки, полусгнившие стебли и листья трав. То, что сначала приняли за те же гифы, оказалось удивительным лугом. Это была трава-альбинос с белыми и совершенно прозрачными стебельками. Но тщетно они тянутся вверх — к каменному небу пещеры; эликсир жизни — хлорофилл не вырабатывается без солнца. Им остается одно — погибнуть, далее не распустив листья, не покачнувшись под дуновением свежего ветерка.

И всюду среди этих гниющих на корню трав копошатся мерзкие твари, похожие на броненосцев.

Лена, подумывая об отступлении, направляет луч света назад и немеет, не в силах вымолвить слова...

...По самому верху природной плотины бежит еще более ужасное существо вроде громадного скорпиона — с клешнями на передних ногах и бронированным туловищем, утончающимся к хвосту. Отдельные членики панциря разрисо-

ваны темно-коричневыми полосами. Окраска головогруди и пяти пар ног янтарная, да и все тело просвечивается, как янтарь. Животное явно без глаз, но каким-то удивительным образом реагирует на свет, спеша поскорее укрыться. На гифах чудовище ловко хватает клешнями что-то вроде бескрылой мухи или жука и исчезает в расщелине...

— Бежим! — срывающимся голосом говорит Лена. — Скорее бежим!

— Бежать нельзя. Здесь надо с оглядкой...

— Вы идите, а я буду охранять вас с тыла! — решительно заявляет Костя и выхватывает из пояса молоток-топорик.

В тайных лабораториях природы

Отступление проходит удачно. Удаляясь от «плотины» природного водохранилища, друзья постепенно замедляют бег и, наконец, останавливаются возле своих вещей, сложенных кучкой у бокового входа. Здесь, выбрав место чуть пониже верха террасы, все трое усаживаются в кружок.

Костя достает из рюкзака книжку, подаренную Владимиром Васильевичем, и перелистывает ее.

— А я-то думал, что нет упущений в подготовке

похода, — огорченно говорит он. — Если бы мы знали о подобных животных, не пришлось бы бегать от них.

Действительно, на одной из страниц возникает только что виденное страшилище. Оказывается, это лжескорпион (обизиум таврикум).

— «Безобидное животное, — читает Костя, — питается мухами и другими обитателями пещер».

Все дружно смеются.

— Смотрите, тут сказано и о бронированном чудище. Это... мокрица (титанефес альбус). «Как и все ее наземные сородичи, пещерная мокрица совершенно безвредна и питается гниющими остатками».

— Что ни говорите, а они противные, — заявляет Лена.

— Но почему, — вслух соображает Боря, — все они слепые и почти без окраски?

— Потому что в кромешной тьме все это ненужно. Среда активно воздействует на организмы, и такие изменения, как, например, утрата глаз или пигментация, улавливаются естественным отбором и закрепляются наследственностью. Такая «переделка» организма происходит не сразу. И можно сказать с уверенностью, что гипертрофированная мокрица — более давний

обитатель Красных пещер, чем лжескорпион, еще не расставшийся с окраской и способностью реагировать на свет.

— Допустим, — соглашается Боря, — но почему в книжках говорится о мелких животных, а мы встретили таких громадин?

— По-моему, дело здесь вот в чем. Водоем... Кстати, его надо как-то назвать!

— «Водоем Константина Снежкова».

— Ну, это ты зря.

— Нет, не зря. Записывай, Лена!

— Так вот водоем является главным регулятором влаги никогда не пересыхающей Кизил-кобинки и ее первоклассным отстойником: сквозь толщу «плотины» фильтруется только чистейшая вода...

— Постой, постой, — уже размышляя про себя, бормочет Костя.

— А почему же мелкие отверстия в теле «плотины» не закупориваются кальцитом? Ага, здесь близко до поверхности яйлы, и в водоем попадает много веточек, листьев и прочего. Следовательно, вода в озере богата углекислотой и органическими кислотами, образующимися при гниении. Поэтому процесс отложения кальцита уравновешивается процессом растворения его. И так на

протяжении тысячелетий.

— Опять «тысячелетий»!

— Ах, если бы я могла так рассуждать...

— Очень просто, — поворачиваясь в сторону Бори и делая вид, что не слышит восклицания Лены, продолжает будущий ученый. — Смотрите сами: сталактитовое убранство вокруг стало не в пример пышнее. Чего стоят эти колонны! А ведь каждый год на них откладывается тончайшая пленка кальцита, измеряемая долями миллиметра. И разве не веет от таких мощных стволов дыханием тысячелетий?

— Ты объясни лучше насчет крупных животных, — не сдается Боря.

— Итак, озеро богато органическими остатками, которые, в конце концов, оседают и переходят в ил. Колебания уровня, например, во время дождей настолько значительны, что постепенно вокруг водоема образовалась обширная, может быть единственная в Крыму, область питательного ила, служащего пищей многим животным (вспомните круги на воде: это могут быть рыбы протей, похожие на угря с лапками, и многое другое). Не спеша, в исключительно благоприятных условиях среды природа сумела выпестовать здесь не пигмеев, а великанов...

Пока ребята спорят о размерах и раскраске встретившихся им животных, а затем делают необходимые записи и зарисовки, Лена возится со сковородой.

— Отдаю свою голову мокрицам, если не пахнет котлетами из свежего мяса! — восклицает Боря.

— Так это же сублимированный фарш[7], — догадывается Костя. — Лена, умница, где ты достала? А ну, приступим. Прекрасно, изумительно! Вот вам пример, что значит вода. При сублимации мясо теряет ее полностью на три четверти веса. Но достаточно через долгие годы вернуть эту воду, и вот вам, пожалуйста. Лена, нельзя ли еще поподжаристей?

Древняя легенда

Пообедав, все укладываются на надутых скафандрах.

— Знаете, что страшнее всего? — спрашивает Костя, поглядывая на потолок. — Землетрясения, и особенно здесь, под землей. Кажется, еще никто не описывал их, но, право, я не хотел бы стать

---

[7] Примечания: 7

Сублимация (возгонка) — превращение в газообразное состояние твердых веществ, например льда, минуя жидкое состояние. Это также новый метод приготовления продуктов для длительного их хранения.

«очевидцем». Очаги этих землетрясений лежат под дном Черного моря. Но местные жители продолжают утверждать, что толчки идут от Чатырдага.

— На этот счет есть интересная легенда, — перебила Лена. — Мне ее Владимир Васильевич рассказал. Чатшрдаг в переводе «Шатер-гора», но и Тырке с некоторых обзорных точек тоже напоминает скалистый шатер, только поменьше. Есть и другое сходство: во время сильного ветра в ответвлениях чатырдагских да и кизил-кобинских пещер слышаться странные звуки, похожие на приглушенный вздох.И еще одно: главные потоки, образующие Салгир, идут от Чатырдага и Тырке-Долгоруковской яйл. Словно там бьются, пульсируют два огромных сердца крымской земли, доставляющие ей живительную влагу. И вот как в прошлом объясняли все это.

...Давно, очень давно — так, что трудно даже сказать, было то или не было, — родился в Алуште в бедной семье чудо-ребенок. Пятилетним он уже лихо гарцевал на лошади и сжимал в руках железные подковы.

Вырос мальчик, выросла с ним и его слава. Приезжали помериться с ним силой и из Турции, и из Ирана, и из далекой Индии. Никто не осилил

его! Даже смерть боялась и не подступала к нему: у богатыря — это знала лишь мать — была белая кровь.

Пришло время, и родился в семье еще мальчик. Быстро подрос он, красив и статен, и стал похож на старшего брата. Жили они дружно и часто ездили в лес, на охоту, по-размять богатырские плечи.

Не гнушались братья простого народа, и любили их многие не столько за силу, сколько за доброе сердце и светлый ум. Обездоленные шли к ним со своими жалобами и не получали отказа. Хмурились богачи, да что поделаешь с богатырем? Но смирялись они только для вида и тут же, уступая одним, теснили других. И так запутывали свои темные дела, что трудно было понять, кто прав, а кто виноват.

Не ужились защитники бедных в Алуште, переехали в лес. В самой гуще его, среди столетних дубов, разбили шатры. Высоко поднимались их острые вершины, далеко видны были всем беднякам. Распрямлялись люди, согнутые нуждой, и улыбка освещала их лица. Есть еще правда на этой земле!

Но неправда, как повилика, оплела Крым: выдернешь один побег, вырастет другой. «Почему

это?» — думал старший богатырь и решил, что все зло — от неба: там живет защитник богатых, с ним и мериться силой.

И однажды кинул в небо призывный клич!

Загремел с неба неслыханный гром, засверкали невиданные молнии. Черные тучи сошлись у шатров и надолго скрыли их от людских взоров. И тогда впервые закачалась земля, повалился высокий лес. Рухнули многие дома богачей, но и беднякам остались руины.

Долго клубились черные тучи. А когда разошлись, то стало видно: стоят среди гор два скалистых шатра: один высокий, другой поменьше. Хлынули от них большие потоки и, слившись, образовали Салгир...

И стали рассказывать тогда старики, что если пробраться в самую глубь чатырдагских или кизил-кобинских пещер и чутко прислушаться, то можно различить глубокие вздохи еще и до сих пор живых богатырей. А когда старший, набравшись силы, пробует встать, то и вздрагивает тогда земля на всем полуострове!

— Очень интересно, — зевая, говорит Костя. — Однако давайте ляжем, нам не мешает выспаться перед новым, может быть решающим, переходом. То, что здесь проходил человек, не

должно успокаивать, тем более, что он какой-то... необыкновенный.

— Да, этот «Эн-Бэ» — молодец! — сразу оживляется дремавший Боря. — Лазить одному в таком лабиринте... Прямо-таки второй Кастере!

«Но почему он один? Как это... не по-советски!» — думает Костя.

Наводнение

В пещерах события протекают медленнее, чем на земле, и, главное, скрытно. Вот и сейчас спящие мирным сном друзья не подозревают, что наверху закончился ливень, про который метеорологи скажут потом: «Не было такого за сотню лет». Разве им видно, что тихие крымские речки, выйдя из берегов, превратились в подобие кавказских, прыгающих «с косматой гривой на хребте»; что скромный ручей Соботкань, не довольствуясь узеньким ложем, затопил всю центральную котловину яйлы, и у понора озерка Провалье кружится страшный водоворот!

Не сразу сказывается в недрах земли увеличение поверхностного стока. Пройдет еще немало времени, пока в лабиринте пещер возникнут озера, нальются бесчисленные провалы и напол-

нятся трубки ходов — все резервы подземной реки. Тогда берегись, оставшийся в Красных пещерах турист! Скорее беги в безопасное место, пока, переполнив последнее на пути озерко, речка не вырвется из Нижнего зева и не станет прыгать среди хаоса глыб к водопаду, превращаясь в ревущий и вспененный смерч!

Ужасны наводнения наземных рек, когда гибнут леса и сады, рушится вместе с домами берег и плавают трупы погибших. Еще страшнее половодья подземных рек, но их мало кто наблюдает, а тот, кто видит, редко уходит живым. На земле еще можно бежать или плыть, можно надеяться на быструю помощь. Но что делать там в глубине, когда оба выхода закрыты водой, а вокруг — несокрушимые стены?

Остается слушать рев разъяренной стихии, смотреть, если еще не погас фонарь, как вода поднимается все выше и выше, до середины груди... До горла... До носа... И вот уже остаются считанные глотки воздуха, сжатого под куполом свода... Свет гаснет, и все исчезает. Нельзя даже проститься с тем миром, в котором ты обитал. Провожатых совсем немного: холод, сырость и тьма...

Катастрофа застигла друзей врасплох. «Водоем Константина Снежкова» пополнялся почти неза-

метно. Нарастающий шум ручейков, стекавших с высокой скалы-«плотины», как бы убаюкивал спящих. Наступление идет исподволь: здесь резвые струйки еще только вгрызаются в щели, там расширяют старые ходы. Из фонтанирующих скважин сначала вылетают мелкие камни, затем большие куски. Громадная глыба, веками стоявшая в центре «плотины», дрожит под страшным напором. Вот она чуточку сдвинулась с места... Еще немного... И лавина жидкого минерала с грохотом валится вниз, разбиваясь на тысячи брызг и покрываясь клочьями пены.

Перепрыгивая через крупные глыбы, сдвигая большие и таща за собой мелкие, вода мчится вниз по туннелю, налетая на стены, подпрыгивая под потолок, чтобы потом в бессильной злобе сплестись в схватке сама с собой, как дракон, кусающий собственный хвост.

Что может быть яростнее ярости взбунтовавшихся вод!

Страшная находка

Солнце клонится к западу. Его все еще жгучие лучи находят лазейку в кроне кустов и проникают в «Борисовскую пещеру», где у самого входа

спит безмятежный Ваган. Проснувшись от навязчивой солнечной ласки, он потягивается и протирает глаза.

— Ах, как хорошо спал! Как в санатории... Все-таки хороший штука — пещера: хочешь — от дождя спрячешься, хочешь — от солнца. Ну, пойдем умываться. Помнишь, на руках ходил, пальцем в воду ступил? Зачем далеко? Совсем близко!

Вскоре в глубине хода появляется блуждающий огонек.

— Почему нет вода? Куда делся, скажите, пожалуйста? Ага, когда я лез из пещера, вода был вправо, теперь нада влево. Постой, что за ход? Давай полезем. Свечка погасла... Ничего, потом зажжем. О-о-й!

После короткого вопля наступает полная тишина. Затем со дна ямы, куда неожиданно скатился Ваган, начинают раздаваться слова вперемежку со стонами:

— Куда приехал? А-а-ах! Где спичка? О-о-ох! Где свечка? Э-э-эх!

На дне ямы разливается слабый, дрожащий свет. Ваган ощупывает себя и быстро успокаивается.

— Ничего, круглый, мягкий! Хорошо падал. Молодец, Ваган! Теперь поглядим кверху... Вай-вай,

как высоко! Ничего, вылезем... Поищем вода.

Напившись, пленник с большим любопытством рассматривает свою «камеру одиночного заключения»: ходит и тычет свечкой во все углы. В одном из них...

Нет, Ваган не был трусом, но кто бы не испугался такой находки?

...На сухом песчаном полу лежит труп человека, почти скелет. Одежда истлела или висит клочьями.

Череп, туго обтянутый кожей, свернут набок. Зубы оскалены зловещей улыбкой, вместо носа и глаз, — провалы. Слабый, тошнотворный запах вытягивается наружу ощутительным сквознячком. Сквозь трещины в потолке проникает рассеянный свет.

Кровь, хлынувшая к сердцу Вагана, медленно возвращается в мозг, согревает похолодевшие конечности. Но прежде чем бежать, человек тянется к скелету и берет наиболее уцелевшую вещь — полевую сумку.

Теперь — на волю! Бешено работая локтями и коленками, он вырывается из карстовой ловушки и пробирается к выходу. Здесь вынимает из сумки тетрадь в крепком переплете. На первой странице ее — значок «Эн Бэ» и надпись наискось

крупными буквами:

«Дневник Никанора Болтина».

Три врага

Друзья вскакивают на ноги после первого же падения вод, качнувшего пол. У всех одна мысль — землетрясение! Но дрогнувший камень кажется не таким опасным, когда доносится голос главного врага. И вот уже вздыбившийся, мутный вал, не давая опомниться, валит их с ног и тащит к сифону.

Захлебываясь от вездесущей воды, Боря и Костя пускают в ход все свое хладнокровие и уменье пловцов. После короткой, но ожесточенной схватки с вероломно напавшим противником они вырываются из водяного плена. Затем, взойдя на террасу, бредут к спасительному «ночнику»: Лена зажгла его, боясь нашествия со стороны встретившихся им страшилищ. Могла ли она думать, что на них нападет враг куда страшней и опасней. Привычка делать «на всякий случай», вызывавшая шутки обоих друзей, на этот раз спасла им обоим жизнь.

«Но где же Лена?»

Коваленко срывается с места, чувствуя новый прилив энергии. Снежков не идет на поиски: он сильно ушибся о камень и теперь сидит, схватив голову руками и покачиваясь от ноющей боли. Если бы не выступы резиновой шапочки, похожей на шлем танкистов, он мог бы погибнуть.

Лена нашлась на месте ночлега. Первый же, самый высокий, вал зашвырнул ее вверх на скафандре, как на резиновой лодке. Все остальные валы, вскипавшие ниже, уже не смогли дотянуться до упущенной жертвы. Уцелели и главные вещи, сложенные по-хозяйски на верх террасы. Только один из мешков, с капроновой лестницей, исчез безвозвратно. Обрывки обоих скафандров, застрявшие возле сифонов, были пойманы Борей.

Надо бы рассмотреть уцелевшее, но фонари не горят: видно, испортились лампочки. Слабенький свет меркнущего «ночника» — вот и все их оружие против второго врага спелеологов — темноты. С необычной в его характере спешкой Коваленко открывает мешок, где в вате завернут «аварийный запас» (по совету все той же Лены лампочки — на всякий случай — были положены в оба мешка).

Свет есть! Перебраться в боковой ход нетрудно.

Но как быть с холодом? Третий враг подземных туристов становится главной угрозой, и, кажется, от него не уйти. У Лены скафандр еще цел и одежда почти суха. Плохо Косте и Боре: их резиновая одежда порвалась, а костюмы пропитаны холодной водой. Судорога все больше сводит суставы, зубы выбивают мелкую дробь. Но нет, сдаваться нельзя!

С помощью Лены из поясов отслуживших свой век скафандров извлекаются инструменты, со спин снимаются кислородные установки. Все оставшееся вместе с поясами, книгами, скатертью — всем, что может гореть, складывается в кучу. Несколько усилий — и над плиткой сухого горючего начинает плясать огонек. Но костра он разжечь не в силах: кучка отсыревших вещей только дымит...

— Кислород... в баллонах... — подсказывает Костя.

С кислородным дутьем дело пошло иначе. И вот уже яркий огонь — первая из стихий, приручённых человеком, — пляшет в мрачной пещере, изливая тепло и свет. Лена, чтобы не стеснять друзей, удаляется за поворот коридора. Оба раздеваются догола, выжимают костюмы и с силой растирают тело, подставляя его огню. Потом под-

сушивают одежду и надевают поверх запасного белья. У догорающего костра успевает погреться и Лена.

Теперь, когда все сухи, голод утолен «неприкосновенным запасом», а фонари светят в полную силу, ничто не кажется страшным. И трое снова идут вперед!

Подземные дворцы

Боковой ход, как и предполагал Боря, был давно покинутым руслом подземной реки. Минувший ливень почти не сказался в верхних этажах Краснопещерского лабиринта. После переходов вдоль действующей речки легко угадываются сухие теперь сифоны, умолкшие водопады и опорожненные водохранилища. Одни только натечные чашечки хранят иногда, как невыплаканные слезы, чистую влагу подземных пустот. Местами пол сияет, как снег, чаще он гладок и скользок, как лед; встречаются и мягкие образования, размазывающиеся под ногами, как паста.

Но не пол привлекает здесь внимание пещерных туристов, их поражают пышно декорированные стены и великолепно отделанные потолки. Вот где, совсем по Бажову, находятся истинные

«чертоги Хозяйки»! Веренице ее покоев позавидовал бы любой королевский дворец.

Как очарованные странники, проходят следопыты подземные залы, один лучше другого. Первый из них получает название «Колонный зал». Его архитектура так величественна и необычна, что Костя приходит в восторг:

— Какой замечательный стиль! Куда там готике..

— Если бы я была архитектором, то обязательно построила так хоть одну из станций киевского метро. Но как назвать этот стиль?

— Я бы назвал его «асимметричным», — заявляет Боря, жадно осматривающий зал глазами художника.— Смотрите, как все здесь различно и в то же время действительно выдержано в каком-то стиле... Из всех народов одни только арабы, а затем караимы применяли так называемые «сталактиты» в качестве архитектурных украшений. Но у них все выглядит чересчур симметрично и... совсем не так! Да, природа — великий мастер, и, главное, она неистощима в своих творениях!

Следующий зал подтвердил справедливость Бориных слов. Его стены и потолок были расписаны в «китайском» стиле, но в такой свободной манере, с такими вариациями, какие не в силах

пока придумать ни одно человеческое воображение. Куда ни глянь, видны крылатые драконы, причудливые бабочки и невиданные цветы. Лучшее, что было в «Китайском зале», назвали «Беседкой». На тонких стройных колоннах ее, расположенных почти по кругу, легко покоилась остроконечная «крыша», вроде тех, что венчают китайские пагоды.

Наводнение, продолжающие подстерегать их холод и тьма — все позабыто. Пещера кажется им приветливой, раскрывшей последние свои тайники. Забравшись в «Беседку», Костя с жаром декламирует слова Фауста о природе:

Одни слегка скользят по ней
Холодным взором удивленья.
Но я могу в ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть!

После подъема по широким мраморным ступеням и прохождения под величественной аркой «Парадного входа» открывается еще один зал, похожий на раскрытую пасть. И так как с потолка свешивается множество сталактитов, похожих на китовый ус, зал получает название «Китовая пасть». Пробираться в каменной чаще оказалось возможным только по дорожке «Эн Бэ».

— Смотрите, а вот и он! — испуганно восклицает Лена, указывая на затененную нишу.

Три мощных луча, направленных разом, освещают в ней сталагмит высотою с человеческий рост и удивительно похожий на те «каменные бабы», которые ставили половцы в причерноморских степях. В углубление наверху его «шапочки» с легким звоном па-дают капли с еще более своеобразного длинного и плоского сталактита, тут же прозванного «Дамоклов меч». Лена просвечивает его лучом, и друзья не могут налюбоваться: он полупрозрачный, искристый, с волшебной игрой полусвета и полутеней.

Если кончик этого «меча» еще не дотянулся до своего сталагмита, то неподалеку были сливающиеся и совсем уже слившиеся пары, образующие колонны. Впервые все стадии их образования были представлены очень наглядно.

Костя торопит Лену:

— Делай побольше снимков! Какие виды получит наш Музей землеведения, какие виды! Да, попутешествовали мы не зря. Жаль, Владимир Васильевич не видит этого!

Следующий зал пересекают вдоль и поперек пласты гипса и других жильных месторождений. Это привело к образованию самых загадочных

и хрупких произведений подземной природы: каменных цветов на полу и геликтитов — сверху. Кристаллизационные силы побеждают в них тяготение. В результате, вместо обычной «сосульки», получается нечто вроде ветвистого дерева, иногда обращенного корнями вверх. Чаще всего от основного ствола геликтита отходят все более утончающиеся веточки, заканчивающиеся «бутонами» или «цветами», например в форме колокольчиков. Иногда эти причудливые образования вытягиваются в длинные нити или тонкие, колючие иглы и тогда образуют нежнейший узор, похожий на тот, который рисует мороз на стеклах окон. Некоторые нити гибки настолько, что их можно намотать на палец, другие так хрупки, что при малейшем прикосновении разлетаются, издавая тонкий, жалобный звон.

Лена умоляет:

— Боря, поосторожнее! Разве тебе мало прохода, проложенного «Эн Бэ». Смотри, сколько он раздавил (нет, выковырял зачем-то!) каменных цветов. Мне определенно не нравится этот человек: он не ценит, не понимает красоты.

— Верно, Лена! — откликается Костя, садясь на своего любимого конька. — Красоту нужно беречь. И не только для нашего поколения. Мы

обязаны не только искать, но и сохранять открываемые ценности. А эти пещеры, вероятно, — единственные в своем роде... Мне кажется, что на примере одной только Кизил-кобы можно изучать минералогию пещер. А ведь она, как говорил Ферсман, еще не написана.

Зал «Осьминог»

Красоты главного хода достигают небывалого эффекта в новой карстовой полости, открывшейся пресыщенным взорам подземных туристов. Это был «Зал Великанов»! Три мощных луча фонарей, слившись в одном пучке, не смогли пробить всю толщу той темноты, которая заполнила здесь подземелье. Водородный шарик, подвешенный на стометровой катушечной нити, повис где-то в пространстве, не достав потолка.

Феерическое зрелище представляют и целое и детали. Легкий туман, переливающийся в ярком свете, напоминает о северных сияниях, а клубы пара, вылетающие из рта, еще более усиливают представление о холодной, полярной ночи. Пол сверкает перед ними обманчивой «ледяной» гладью; как айсберги, вмерзшие в лед, искрятся натеками громадные глыбы, тогда как камни

меньших размеров очень напоминают торосы. Да и потолок над ними кажется глухим заполярным небом, в которое не вернулось солнце и которое навсегда покинули звезды.

Окружность зала по подсчету шагами близка к километру. На пройденном туристами кольце природа, по выражению Бори, «устроила выставку своих достижений». Чего стоит одна только «Сцена», по сторонам которой ниспадают тяжелые складки пышного «занавеса» с красной оторочкой внизу, в глубине красуется чудесный «задник» с рельефными изображениями гор и каких-то немыслимых кустов и деревьев; все завершается «вазами», поставленными впереди «рампы», и чудо-колоннами по сторонам. Лена, взойдя на «Сцену», пытается спеть шутливую песенку, но эхо, отразившееся от невидимого потолка и от стен, пугает ее, вызывая лавину оглушительных звуков.

Костя высказывает предположение, что зал служил главным хранилищем вод, пока его не сменил «водоем Снежкова». Создан он колоссальным гидродинамическим давлением и последующими обвалами потолка. Стекались сюда подземные воды через шесть ходов, все с одной стороны, а вытекали через поноры двух

провалов, разделенных небольшой перемычкой. Стоя на этом головокружительном «мостике», отмеченном стрелками «Эн Бэ», Боря восклицает:

— Братцы, так это же зал «Осьминог»! Его «глаза» — вот эти провалы, а нужный нам сталагмит...

Оглянувшись, все вскрикивают: центральный столб, принятый вблизи за колонну, не доходит до потолка. Это великан-сталагмит высотой метров двадцать! Его составляют десятки изящных ваз, опрокинутых книзу и постепенно уменьшающихся кверху.

— Лена, быстрее копию плана! Боря, давай буссоль! Эх, никак не успокоится стрелка... Пошли сюда... Еще немного... Вот здесь!

Среди глыб открылся колодец. В него спускалась... восьмиметровая веревочная лестница, закрепленная сверху. Так как пояс сгорел на костре со скафандром, Боря обвязывается двойным беседочным узлом[8] и, передав конец страховочной веревки Косте, немедленно приступил к спуску. Вскоре слышится его голос:

— На стенке какая-то надпись... Не разберу.

---

[8] Примечания: 8

Двойной беседочный узел, или **«двойной булинь»**, применяется при подъеме людей и грузов. У альпинистов служит для привязывания в связке человека, идущего впереди или сзади на конце веревки.

Вроде не по-русски... Что? Да лезь сюда, Лена. Лестница крепкая. Если что — подхвачу на руки!

Нетерпение часто опережает осторожность. Лена, забыв про «всякий случай», смело спускается вниз.

— Мэм... то... ори… Кажется, латынь.

— Латынь?

Бросив конец веревки на первый же подвернувшийся камень, Костя приступает к спуску, и, когда до дна остается не более метра, лестница обрывается. Боря сбит падающим Костей, но оба отделываются только ушибами.

«Молоток и крючья!» — проносится в голове Коваленко. Но рука, по привычке шарящая по пояснице, не находит нужных предметов. Вещи там — наверху!

— Ме-мен-то мо-ри... «Помни о смерти», — медленно переводит Костя, чувствуя, как озноб пробегает по телу, и сжимает ледышкою сердце.

Тщательно обшаривая дно колодца, друзья находят только рюкзак, набитый камнями, да узкие щели, ведущие вглубь и доступные разве что ящерке. Итак, все пути отрезаны. Они без средств к спасению, без пищи, которая рядом и все же недоступна.

«Сможем ли мы выбраться? Или это конец,

мучительное, медленное умирание... Мементо мори — помни о смерти...»

Костя смотрит Боре в лицо: оно серьезно и сосредоточенно. Этот не сдастся. А Лена? Сумеет ли она выдержать?

Снежков переводит взгляд. Лицо Лены искажено страхом...

— Смотрите туда... — одними губами произносит она, показывая наверх. В отверстии колодца появляется едва различимая тень, потом — чье-то лицо...

Дневник Никанора Болтина

Ваган сидит у входа в «Борисовскую пещерку». Его посуровевшие глаза не отрываются от пожелтевших страниц, испещренных угловатыми, неровными буквами.

«1 июня. *Какой счастливый день! Наконец-то, нашел новый, еще никому не известный ход в лабиринте Красных пещер. Вы-бравшись из него, я тщательно стер все следы, которые могли бы выдать это открытие. Не удержался от одного: на стенке поставил свою монограмму «Заметь хорошо!» Этот значок скоро будет известен мно-*

гим. (Кто догадается, что «Эн» и «Бэ» — Никанор Болтин!)

1 июля. *Прошел месяц со дня моего открытия, но я еще не знаю, где же конец пещеры? А сколько находок за эти дни! Придет время, я их выложу сразу. Мое имя — Никанор Болтин! — затмит Кастере и многих других. Ника, по-гречески, значит победа!*

15 сентября. *План почти всех ходов закончен, сделан и хороший чертеж. Бросив бестолковую тактику прежних дней, я добился многого с буссолью и рулеткой в руках; жаль, нечем было измерять высоту потолков, прикидывал «на глазок». Исследования закончились открытием гигантского зала, похожего в плане на великана-кальмара: шесть щупальцев покороче, два — подлиннее. (Один — никаноровский ход, другой — идет от провалов.) Под самый большой сталагмит зала перенес собранные сокровища и спрятал в укромном местечке. Здесь моя штаб-квартира.*

Надо бы переночевать еще раз, но я не могу огорчать маму. Она слишком тревожится во время моих частых отлучек из Симферополя. Да и в институте косо глядят на меня, как на прогульщика. Приходится изворачиваться, лгать...

Это тяжело! И все же я никому не оставлю что-то доделывать... О себе могу сказать то же, что Кастере: «Работа в одиночестве — мое любимое занятие и самое волнующее изо всего, что мне пришлось испытать: она требует абсолютной уверенности в себе».

Ваган торопливо листает тетрадь. Останавливается:

*«**1 июня.** Сегодня годовщина моих исследований. Институт окончен, направление на работу — в Алтайский край — получено. Остаются 25 дней, которые я потрачу на завершение всех открытий. (Маме сказал, что уже еду. Вещи сдал как багаж.) Начал с зала «Кальмар». Обойдя его снова кругом, обнаружил едва заметный проход, закупоренный слоями натеков. Не пойму, что преобладает во мне: радость или огорчение? Ведь у «Кальмара» теперь не восемь, а девять «щупальцев», да и времени на обследование нового хода осталось немного...*

***2 июня.** Ночевал в пещере, в сухом местечке. Никак не могу прийти в себя от восторга. Какие чудесные залы — лучшие на всем пути! Сколько открытий! Главное — подземная речка. Может быть, это истоки Зуи? Не позже как вечером*

25 июня сделаю доклад в Крымском отделении Географического общества. А на следующий день сдам экспонаты в музей. Пусть посмотрят Аня и многие, на что способен Никанор Болтин! То, что сделано мною одним, под силу лишь специальной экспедиции.

Не смог отважиться лишь на одно: пойти по течению речки. Как только увидел нависающий свод, за которым скрывался сифон, так и повернул назад. Я хорошо помню свою первую попытку, когда разорвавшийся шланг водолазной маски чуть не стоил мне жизни. А этот холод подземных вод... Бр-р-р! Его достаточно испытать только раз. Что бы ни говорил Кастере, такие приемы, как ныряние в сифоны, очень рискованны. Это счастье, что ему на пути не встретился непредвиденный случай, нелепый и неотвратимый...»

В конце дневника почерк почти неразборчив: буквы разных размеров беспомощно цепляются друг за друга, съезжают со строк. Кое-где видны бурые, засохшие пятна...

***«15-18 июня.** Мое пророчество сбылось неожиданно скоро. У входа я заметил лазейку. Небольшой взрыв для расширения лаза вызвал неожиданные последствия — завал коридора.*

Руки были разбиты настолько, что не могли держать карандаш. Пришлось подождать, когда заживут пальцы. Завал так велик, что разобрать его не под силу. Спрятал под ним ценнейшую вещь — план всех ходов в футляре. Потом окровавленными пальцами, сцепив зубы от боли, протолкнул авторучку с сохранившимся планом зала «Кальмар». Найдет ли кто? Поймет ли, что это значит?.. Буду надеяться... «Когда смогу, напишу подробную записку», — решил я тогда. Но...

На другой день стал искать обходные пути и упал в глубокую яму! Все попытки вылезть безрезультатны: я сломал ногу. Это конец! Прости мне, мама, что скрывал свои подземные поиски. Прощай и ты, Аня! Я снова теряю тебя и теперь навсегда...

***...июня.** У меня жар. Когда начинаю бредить, окружают чудовища. Я бегу, падаю в яму и снова прихожу в себя от страшной боли... Ме... мен.. то.. мори! Шутка обернулась против меня. Это расплата за мое легкомыслие и индивидуа... Аня права... Нашедшего дневник прошу обнародовать: пусть никто не идет путем Кастере... Пока в сознании, спешу предупредить: берегитесь скорпионов! Их много! Реч... стен... спасит... опять... как тяжело!*

Ма... ма...»

Григорян закрывает дневник и, сунув его за пазуху, ползет в глубь пещерного хода:

«Эх, Ваган, Ваган! Разве можно бросать товарища? Может, его укусил скорпион? Или он сломал себе ногу? Скорее, Ваган!»

Друзья познаются в беде

Яркий луч Бориного фонаря, направленный вверх, ослепил незнакомца, склонившегося над краем колодца. Он отшатывается в сторону. И тут же раздается его низкий, повелительный голос:

— Выключите фонарь... Я посвечу сам.

— Кто вы такой? — так же твердо выговаривает Снежков.

— Ваш друг... юные следопыты... Не удивляйтесь, меня направил Владимир Васильевич... Прозываюсь Петров. Константин Александрович. В годы войны командовал отрядом разведчиков... Теперь снова мирный геолог, изучаю пещеры... Анкетных данных достаточно?

Насмешливый оттенок вопроса и ласковые интонации голоса действуют убедительнее слов. Свет в колодце гаснет. Петров достает карманный

фонарик и светит вниз.

— Сидим в ловушке? Бывает... Сам сидел и запомнил на всю жизнь... Есть у вас вторая веревка? У меня, к сожалению, тонковата...

Петров не спеша зажигает две свечки и устанавливает их в трещины ближайших камней. Затем достает капроновую веревку и привязывает ее за сталагмит.

— Готово! На пробу дайте этот рюкзак. Сами отойдите в сторону, — Петров потянул вверх рюкзак, найденный в яме. — Эге, тяжеловат. Килограммов сорок! Теперь вылазьте по одному. Будем знакомиться... Борис Коваленко? Очень приятно! Елена Кузнецова? Отлично! Третий, конечно, капитан, — капитан спасается последним — и зовут его? Снежков Константин... Рад, очень рад! Владимир Васильевич много рассказывал о вас.

— Константин Александрович, а как же вы добрались сюда?

— У меня есть любопытный план. Смотрите. Найден в пещере, куда привел меня знак «Б», выцарапанный с чрезмерным усердием. (Боря краснеет). В пещерке, расчистив завал, пошел по плану. Чертеж подтверждает главную мысль моей диссертации: трещиноватость горных

пород и тектонические процессы играют решающую роль в формировании карстовых полостей. Растворимость пород, количество и скорость прохождения грунтовых вод, базис эрозии и прочее — это второстепенно.

В разговор включается Снежков. Посыпались специальные термины, ссылки на авторитетные источники, цитаты и сопоставления.

— А как же клад? — недовольно тянет Лена.

— Ах, правда! — подскакивает усевшийся на рюкзак Костя.

Никогда, даже в минуты наибольшей тревоги, сердца друзей не бились так, как в эту минуту. Позднее Лена призналась, что, глядя на медлительные движения рук Петрова, она готова была зубами перегрызть шнурок таинственного рюкзака!

Рюкзак оказался набит торбочками из крепкой клеенки, камнями музейного типа и металлическими коробками разных размеров. Каждый пронумерованный экспонат имел подробную этикетку; места взятия всех образцов аккуратно отмечались на схеме.

Первая же коробочка изумляет своим содержанием.

— Пещерный жемчуг! Ого, получше, чем у ме-

ня! — не удержался Петров. — А это что там за чудище?

— Панцирь лжескорпиона. Это маленький, мы видели метровой длины... А вот и панцирь мокрицы. Где он нашел? — удивляется Костя.

— Каменные цветы! А я думала, что он уничтожал их... Смотрите, как хорошо упакованы... А в этой коробке? Какая прелесть! Похоже на настольную лампу с матовым колпачком... А вот вам настоящий букет эдельвейсов. Нет, у «Эн Бэ», видно, тонкий вкус.

— Братцы! — не выдержал Боря. — Дайте мне слово! Ведь это по моей части: фотографии рисунков первобытного человека! А вот и статуэтка... Осторожнее, она необожженная!

— Ну, это уж в моей компетенции. Кристаллы исландского шпата! — торжественно выговаривает Снежков. — Лучше тех, что нашел Боря.

Все молча склоняются над длинной коробкой с ватными гнездами, в которых сверкают кристаллы. В наступившей тишине опять зазвенела музыка капель. Потом послышались такие необычные звуки, что все оглянулись. К ним приближалось не видимое из-за камней пыхтящее и свистящее существо. Неловкие шлепки по грязи и невнятное бормотанье были еще более

загадочными и необъяснимыми. Друзья переглядываются, но Петров продолжает оставаться спокойным:

— Забыл вам сказать, что я здесь не один... Это мой старый друг Ваган Григорян... Техник-строитель... Любитель поболтать хотя бы с камнями... Очень неловок... В пещерах он в первый раз и все-таки... отважился пойти один, в таком лабиринте. Для него это подвиг... Или он тоже заразился «пещерной болезнью»? Сейчас узнаем...

Из-за глыбы выходит Ваган. Он грязен настолько, что похож на заиленный сталагмит, сдвинувшийся с места:

— Здравствуй, дорогой! Рука-нога целы? Скорпион не кусал? Ух, как я бежал! Падал, вставал, снова бежал! Смотри, грязный какой! Здравствуй, товарищи! Ах, какой молодой народ! Друзья Петрова? Значит, мои друзья! Рука не даю... Грязный рука... Ничего, зато душа чистый. Смотри, что принес?

Дневник вслух читает Петров под хлюпанье Григоряна, умывающегося над «ванночкой». Закончив чтение, Константин Александрович говорит глухим, изменившимся голосом:

— Человек вне коллектива — не человек! Я тоже лазил, «как Кастере», и внутренне этим гордил-

ся... Пытался даже доказать самому себе «право на одиночество»: во время войны сгорел мой дом... Сгорели... жена и дети... Это... опалило мне душу! Я стал сторониться других... Могу только сказать в оправдание, что спелеология, которой я занимаюсь, — наука немногих и спорт одиночек... Тем более приятно встретиться здесь, на такой необычной «туристской тропе», с молодым коллективом. В вашем обществе я помолодею... Принимайте меня... в следопыты! Согласны? Рекомендую еще одного! Чем не следопыт? Впервые в пещере и сумел пройти по следам...

— Заявление в письменной или устной форме? В устной? Я с дорогой душой! Сначала, правда, ругал пещера. Теперь вижу, замечательное дело... Приезжайте в Армению, милости просим! У нас пещер много-много, только я не ходил, дурак был. Эх, какой дурак!

Пятеро рук сплетаются в братском пожатии. Взглянув на дневник, Петров продолжает:

— «Победитель»... Он просто не знал, что по-русски «Ника» значит изнанка, выворотная сторона. Тот, кто отходит от коллектива, может лишь никнуть, клониться к земле... Но мы выполним твое завещание, Болтин: обнародуем этот дневник... Безопасность движения должна стоять в туризме

выше всего... Незачем и в нашу эпоху приносить каменным молохам человеческие жертвы...

— У нас так говорят в народе, — вставил Ваган: — «Человек, у которого много друзей, широк, как степь; человек, у которого нет друзей, узок, как ладонь»!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Остается сказать немногое. Открытия, сделанные в Красных пещерах, взволновали не только туристов. Урочище Кизил-коба стало излюбленным местом многих ученых и классическим районом проведения практики для студентов-геологов. Музеи страны получили замечательные экспонаты. «Никаноровский» ход электрифицирован и служит местом паломничества советских и иностранных туристов. Изучение длиннейшего в стране карстового лабиринта продолжается. Тайна образования исландского шпата еще не разгадана.

Большие изменения произошли и в области водоснабжения Крыма: «Водоем Константина Снежкова» подключен к Симферопольскому водопроводу вместе с еще более грандиозным водохранилищем Чатырдага, найденным, наконец, через детально изученный Бездонный колодец. Древняя легенда в какой-то мере оказалась верной: «Вода — белая кровь, вытекающая из Сердца Двух гор». Теперь не только жители крымской столицы, но и всего верховья цветущей Салгирской долины обеспечены первоклассной

питьевой, да и поливной водой. Весь массив Чатырдага, объявленный водоохранного зоною, также целиком заповедан.

Крым оправдал надежды наших друзей. Владимир Васильевич снова стал на ноги. Правда, он теперь вынужден щадить свои силы и больше занимается малоподвижной работой: ведет кружок юных следопытов все в той же средней школе № 1, пишет воспоминания времен гражданской войны, педагогические заметки и даже повесть на туристскую тему.

Константин Петрович Снежков закончил МГУ с отличием и затем обобщил богатый материал, собранный им при исследовании пещер Крыма, Урала и Кавказа. Как мы уже знаем из предисловия, он — автор солидной монографии «Минералогия пещер». Его считают ученым, подающим большие надежды. Он все еще не женат, чему виной излишняя требовательность. Елену Николаевну Коваленко, сменившую свою девичью фамилию, он считает «редчайшим исключением из общего правила».

Диссертация Константина Александровича Петрова на тему «Основные вопросы формирования карстовых полостей» дала ему звание не кандидата, как предполагалось, а доктора геоло-

го-минералогических наук. Случай — не столь уж частый в ученом мире и заслуживающий внимания. Много усилий затратил Константин Александрович еще и в другой области, которая не дала ему никаких званий, но показала, сколько сердечного тепла скрывалось в этом суровом с виду человеке с «опаленной душой»: он разыскал мать Болтина с Аней и постарался умерить всю горечь их невозвратимой утраты.

Григорян не на шутку увлекся пещерами и измучил жену и друзей, таская их по разным пустотам. Стараниями его и Петрова в Армении открыто еще несколько новых пещер. То ли от частого протаскивания своего тела сквозь холод, воду и узкие трубы, то ли от усилившейся физической нагрузки вообще Ваган заметно похудел и выглядит стройнее и моложавее, что очень важно в преклонные годы.

В настоящее время, переболев «пещерной болезнью», Григорян увлекся вулканами после первого же путешествия в кратер Арагаца.

Несмотря на такие различия в образе жизни и солидные расстояния, пролегающие между Ереваном, Москвой и Киевом, где теперь трудится семья Коваленко, все пятеро поддерживают дружеские связи, часто переписываются друг с

другом. И не раз вспоминают те напряженные дни, когда их общими усилиями раскрывались ТАЙНЫ КРАСНЫХ ПЕЩЕР.



Об авторах

Николай Иванович Сладков (1920-1996) родился в Москве, в рабочей семье; большую часть жизни провел в Ленинграде. С детства интересовался природой, охотой и путешествиями. В кружке юннатов при Ленинградском зоологическом институте познакомился с В. Бианки, ставшим его наставником и другом. Во время Второй мировой войны служил офицером-топографом; сохранил эту специальность и в мирное время, прослужив в армии до 1958 г. С 1953 г. опубликовал более 60 детских и познавательных книг, много путешествовал и стал убежденным фотоохотником. Вместе с В. Бианки много лет выпускал радиопередачу «Вести из леса».

Иван Александрович Кириллов (1905-1996) родился в Барнауле, после ранней смерти родителей (Сергаевых) воспитывался родственниками. Его приемный отец был фельдшером. В 16 лет осиротел, бродяжничал. Учился в Одесском пединституте. В 20 лет увлекся туризмом, затем и краеведением. Работал в Судаке в Доме туриста. Участвовал во Второй мировой войне, был ранен и контужен, стал инвалидом. Жил в Алуште, работал в краеведческих музеях Крыма. С 1934 г. публиковал очерки, с 1957 г. выпустил несколько краеведческих книг.

Повесть «Тайны Красных пещер» публикуется по первому изданию (М., 1959). Биографическая справка основана на данных библиографа научной фантастики В. Окулова.



POLARIS

**ПУТЕШЕСТВИЯ.
ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА**

Настоящая публикация преследует исключи-

тельно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.